

ЭЛЬДАР САТТАРОВ

ЧАО, ВЬЕТНАМ

роман

ШОРТ-ЛИСТ
ПРЕМИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЕР

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

Эльдар Саттаров

Чао, Вьетнам

ИД «Флюид ФриФлай»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Саттаров Э.

Чао, Вьетнам / Э. Саттаров — ИД «Флюид ФриФлай», 2018

ISBN 978-5-906827-46-3

Документальный роман Эльдара Саттарова посвящен трагическим страницам истории Вьетнама XX века. Впрочем, насколько трагическим, настолько же и героическим. Еще прежде чем перенести все ужасы американского нашествия, мужественный народ этой прекрасной страны отстоял свою свободу и независимость в многолетней и крайне жестокой борьбе с другими империалистами – фашистской Японией и голлистской Францией.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-46-3

© Саттаров Э., 2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

Содержание

Революция	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эльдар Саттаров

Чао, Вьетнам

© Э. Саттаров, 2017

© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

* * *

*Однажды утром я проснулся
и обнаружил оккупантов.
Прощай, красавица, прощай, прощай!*

*О, партизан, веди меня отсюда,
я чувствую – готов на смерть.
Прощай, красавица, прощай, прощай!*

Bella ciao

*Chào (неформ., сокр. от xin chào) – универсальное приветствие и
прощание во вьетнамском языке.*

Революция

1

Все началось из-за дождя. Дело в том, что у нас в Сайгоне за год сменяется всего два сезона – сухой сезон и сезон дождей соответственно. Поэтому, когда у нас заряжают дожди, то это всерьез и надолго. Ребенком я мог часами глазеть в окно на заливаемый тропическим ливнем асфальт, на уличных торговках, терпеливо переносящих атаки хлестко и часто строчивших с небес пунктирных нитей, сидя на корточках на тротуаре, прикрывая свой нехитрый товар и самих себя кто чем может – кто кусками материи, кто полиэтиленом, кто обрывками мешковины.

В сторону проспекта Катина¹ устремлялись велорикши, привычно крутя педали своими натруженными ногами, перевозя элегантно одетых французов с огромными зонтами и их кавалеров в щегольских тренчах в сторону увеселительных заведений городского центра или на католическую мессу в Нотр-Дам де Сайгон². Чаще всего я наблюдал за красивой сорокалетней женщиной в традиционном аозае, наряде из белых брюк и длинного цветного платья с высокими разрезами до талии. Она приходила каждый вечер со стороны одного из тех ветхих домов, что до сих пор уживаются в нашем районе бок о бок с фешенебельными колониальными постройками а-ля Осман³. О ней говорили, что в прошлом она была дурной женщиной. Она за деньги спала с французскими мужчинами и богатыми китайцами из района Шолон⁴. Однажды под Рождество она привычно вышла на заработки и наняла себе рикшу. Вдвоем они провели всю рождественскую ночь, разъезжая по улицам Сайгона в поисках клиентов. Но в ту ночь ей почему-то не везло, семейным мужчинам было явно не до нее, а всех блудливых гуляк заранее разобрали шустрые конкурентки, так что под конец ей было даже нечем рассчитаться с рикшей, ведь она хотела заплатить ему из денег, заработанных за свои не востребуемые услуги. Что же касается рикши, то, проведя до этого весь день в напрасном ожидании клиентов, он ухватился за эту проститутку как за последний шанс заработать на угощение и нехитрые подарки для целой оравы полуголодных братишек и сестреноч. Под утро, узнав, что он так и остался ни с чем, рикша остановился на набережной Сайгона, отвернулся в сторону реки, насупился и долго молчал. Потом он смачно сплюнул и, постепенно распаляясь, начал высказывать этой женщине все, что наболело за долгие годы жизни впроголодь, все, что лежало у него на душе. В его словах не было ненависти, но они были полны такой неизбывной горечи, такого отчаяния, что всякому стало бы от них не по себе. Когда он резко обернулся, он увидел, что женщина сжалась в комочек на сиденье и беззвучно рыдает. И тогда он взглянул на нее совсем другими глазами, и сердце его открылось новому, неведомому до тех пор чувству. Внезапно ему захотелось увести эту женщину с панели, чтобы заботиться о ней и делать ее счастливой.

С тех пор как они поженились, она каждый вечер выходит на один и тот же угол и может стоять там и ждать его часами. Ближе к ночи рикша приезжает на этот угол после рабочего дня, утомленный, но странно довольный. Говорят, она стала очень верной женой.

¹ *Рю Катина* – главная улица Сайгона. Названа в честь французского маршала Николя де Катина, одного из основных военачальников короля Людовика XIV. (Здесь и далее комментарии автора.)

² *Нотр-Дам де Сайгон* – католический собор в центре Сайгона, построенный в 1877–1880 годах.

³ *А-ля Осман* – в архитектурном стиле Жоржа Османа, французского градостроителя XIX в., во многом определившего облик современного Парижа.

⁴ *Шолон* – китайский пригород Сайгона, был основан в качестве отдельного города в 1698 году китайскими беженцами из империи Цин.

Я привык подолгу сидеть у окна и наблюдать за прохожими и жителями квартала, потому что однажды, глядя именно в это окно, я увидел, как к дому, в котором я жил, идет мой отец. Он был в белоснежном костюме и белом канотье из кокосовой соломки с черной шелковой лентой. Он шел медленно, но решительно, слегка помахивая тростью и глядя прямо перед собой. Я уже слышал, что он многого добился в Париже, стал успешным адвокатом и открыл там свое дело, приносившее ему свыше восьмидесяти тысяч франков годового дохода. Я помню, как потом они очень долго о чем-то говорили с дядей Наом на кухне, но, хотя под конец они начали говорить довольно громко, их слова все равно тонули в шуме вентилятора и криках соседей, устроивших в своем дворике петушиные бои. Я различил только последнюю фразу, когда входил к ним. Я четко помню, как дядя Нам не терпящим возражений тоном выкрикнул моему отцу: «Если я позволю тебе увезти Мишеля во Францию, красные из Вьетмина⁵ рано или поздно обязательно придут за мной, и тогда мне конец!» Мишель – это я. Нас всех – детей состоятельной прослойки жителей моего района – крестили по римско-католическому обряду и давали французские имена при рождении. Мы ходили во французские школы наравне с детьми из колониальных семей, прибывших из далекой метрополии. Потом мы, как правило, уезжали учиться в парижские университеты и зачастую так и оставались в столице. Как мой отец. Когда он увидел меня, он резко встал, подошел ко мне, присел на корточки, взял меня за руки и долго с какой-то обреченной нежностью смотрел на меня. В его взгляде было что-то пугающее, и мне стало не по себе. Тогда он неловко погладил меня по щеке, всучил леденец, вскочил, нахлобучил свое канотье, подхватил трость и стремительно вышел на шумную и знойную улицу. Дверь за ним захлопнулась, и в доме опять стало тихо. Даже соседи уже утомнились. Я тогда не знал, что больше никогда его не увижу. Он же, я думаю, вполне это осознавал.

2

Моя мать происходила из старинного землевладельческого рода, чья генеалогия восходит к героям поросших былью сказов о феодальных битвах между кланами Чанов и Нгуенов, поделившими между собой весь Индокитайский полуостров в Средневековье. Она выросла очень красивой девушкой, ярко блиставшей в высших кругах кошиншинского⁶ общества, не оставляя равнодушным ни одного из окружавших ее мужчин, совершенно избаловавших ее своим вниманием и комплиментами. Нравы местной аристократии к тому времени уже совсем не отличались от придворных нравов метрополии времен галантного века. Она оставила моего отца ради дяди Нама, точно так же, как теперь она оставила дядю Нама ради видного революционера, одного из лидеров движения Вьетминь, с которым она теперь скрывалась в джунглях. Поэтому сейчас, в этот дождливый день, я и торчу здесь у окна, совсем один, и никому нет до меня дела. В один из таких дождливых дней я сбегу к ней, в джунгли.

Сколько я себя помню, я всегда бредил джунглями. В моих представлениях они всегда были синонимом буйства жизни – ведь там все растет очень густо, цветет очень пышно, размножается очень быстро. Когда я впервые выбрался в джунгли, там все так и оказалось! Бродя по лабиринту еле заметных тропинок, я оцарапал там ногу о куст, и рана не заживала очень долго. Джунгли начинаются совсем недалеко от окраины города, сразу после тянувшихся вдоль шоссе рисовых полей и тенистых каучуковых плантаций. Никто из взрослых не знал об этой моей вылазке. Сбежав со школьных занятий, я приехал туда из города утром на велосипеде,

⁵ *Вьетминь* – подпольная организация, созданная вьетнамскими коммунистами в 1941 году для борьбы против Японии и Франции.

⁶ *Кошиншина* – старое название Южного Вьетнама.

с которым никогда не расставался в те дни. И все утро я, зачарованный, бродил среди густых зарослей в одиночестве.

Сегодня, когда мы шли из школы с Софи, моей названной сестрой, и старшеклассником Рене, ее ухажером, я рассказал им по секрету об этой своей вылазке. Рене отругал меня. Он сказал, что я мог попасть на минное поле или под французскую пулю. «Нельзя туда соваться без партизанских проводников, – сказал он мне, – да и нечего тебе там делать, слишком мал ты еще». Я ничего ему не ответил, но про себя подумал, что хоть я и мал, зато у меня хватило смелости выбраться туда одному. Рене – парень серьезный. Он уверен, что когда-нибудь станет партизанским командиром, а сам еще ни разу в джунглях не был, боится. А я был. Там ощущался совершенно особый запах. Пахло победой. Победой жизни над смертью.

«Представь себе, что тебя бы там схватили и отвезли в Сюртэ⁷», – не унимался Рене. Представлять, честно говоря, неохота. «Если тебя забрали в Сюртэ, тебе капут», как любит говаривать дядя Нам, и он прав, тут уж ничего не попишешь. Когда человека привозят в известное желтое здание с наглухо закрытыми ставнями, что в паре кварталов от Нотр-Дам, его уже, как правило, больше никто никогда не видит. Человек после этого либо пропадает в тигриных клетках острова Пуло-Кондор⁸, либо его просто убивают без суда и следствия там же, в застенках желтого здания с наглухо закрытыми ставнями. Отчаявшиеся родственники могут потом годами его искать, а им в ответ, пожимая плечами, твердят одно и то же: отпустили, мол, после допроса на все четыре стороны, а куда он направился, это уж не наша забота.

Рене хочет стать партизанским командиром, мне же всегда хотелось стать таким, как товарищ Ань. Многие из нас тогда мечтали походить на товарища Аня. Это был однокурсник моего отца, который, изучая право в Париже, превратился за годы учебы в убежденного анархиста. Вместе со своим другом Тхе, еще одним товарищем из французской компартии, Ай Куоком, по прозвищу Хошимин, и двумя Фанами, парижскими интеллектуалами старой закалки, они в свое время поклялись стать Пятью Драконами будущей вьетнамской революции. Потом Хошмина и Аня выслали из Франции за подрывную деятельность. Первый по поддельным документам уехал через Берлин в Москву – постигать революционную науку, чтобы со временем стать профессиональным вождем кадровой партии. Второй же отправился в долгие пешие странствия по Италии, откуда и прибыл домой, в Сайгон, на палубе одного из торговых кораблей. Здесь он начал издавать на французском языке либертарную газету «Надтреснутый колокол». Его друг Тхе остался в Париже и стал активистом Межколониального союза, боровшегося за права коренных жителей всех колоний Франции.

В первый раз я увидел товарища Аня⁹ в кинотеатре сидящим в первом ряду на показе «Огней большого города» Шарло¹⁰. Тогда это был длинноволосый денди, одетый по последней парижской моде. Позади него сидели два офицера французской морской пехоты, капитан и лейтенант. В какой-то момент лейтенант схватился за спинку его стула, сильно ее потряс и громко сказал ему:

– Ты мешаешь мне смотреть, не видишь, что ли?

На что Ань со своей рафинированной восточной учтивостью ответил:

– Я не привык, чтобы со мной разговаривали подобным тоном. Если бы вы попросили меня вежливо, я был бы только рад подвинуться, чтобы вам лучше было видно экран.

– Ну так встань и подвинь свой чертов стул.

Ань, помедлив, ответил вопросом:

– Ты все-таки нарываешься на неприятности, морячок?

⁷ Сюртэ – Главное управление национальной безопасности Франции.

⁸ Пуло-Кондор – тюрьма для политзаключенных на одноименном острове.

⁹ Товарищ Ань – Нгуен Ань Нинь, вьетнамский революционер (1900–1943).

¹⁰ Шарло – французский вариант произношения имени американского киноактера Чарли Чаплина.

– Да плевать я хотел на тебя, умник узкоглазый...

Буквально в мгновение ока Ань вскочил на ноги и, с быстротой молнии подняв стул за ножки над собой, ей-богу, готовился обрушить его на череп лейтенанта, в испуге отпрянувшего от него и закрывшегося руками, когда другие зрители остановили его, крепко схватив за предплечья, и силком вывели из зала. Кинотеатр, кстати, был битком набит французами, а вьетнамских парней там была от силы дюжина, не считая нас, детей. Но Ань, похоже, вовсе не думал о том, что возможное побоище будет настолько неравным. Такой уж это был человек.

3

Пока Анем владела ярость, он как бы не соображал, что делает. Внезапно он словно прозрел и увидел трясущееся лицо лейтенанта, вскинутые в защитном жесте руки над головой и понял, что его крепко держат другие кинозрители. Один обхватил его за спину, другой вцепился в стул, который Ань занес над головой, сжав в стальной хватке, а третий стоял перед ним и ласково, но настойчиво уговаривал его успокоиться и выйти с ними из кинотеатра. Ярость схлынула, и Ань покорно дал себя увести.

Уже на улице, по дороге к ближайшему кафе, он познакомился с молодыми матросами торгового флота Кузнецом, Шлангом и Стрижом. Они были одеты странно: в широкие штаны и длинные пиджаки с накладными плечами. Застенчиво посмеиваясь, они рассказали ему, что не так давно уже были в подобной передрыге, но не в Сайгоне, а в Америке.

– Мы как раз посмотрели «Золотую лихорадку» Шарло и только вышли из кинотеатра на Пико-Юнион, в самом центре Лос-Анджелеса... – рассказывал Стриж, паренек небольшого роста, с тонкими, деликатными чертами лица и прической «ежик».

Они расселись за низким столиком уличного кафе на бульваре Боннар, и Кузнец принес каждому по пивной кружке, наполовину наполненной рисовым самогомом.

– ...как вдруг нас окружила целая толпа пьяных американцев с других судов, стоявших в порту, – продолжил Стриж, кивком поблагодарив своего друга. – Они ни с того ни с сего начали нас жестоко избивать, осыпая расистскими оскорблениями. Мы настолько опешили, что только и смогли, что присесть на корточки, закрывая головы и крича: «Помогите! Мы ничего вам не сделали!» Но это их только раззадоривало, и они били и пинали нас дальше... Все резко поменялось, когда прибежал Хайфонец. Он отходил в туалет.

– А кто такой Хайфонец? – поинтересовался Ань.

– Это наш друг. Мы уже несколько лет на одних и тех же кораблях вместе с ним ходим, – протяжно объяснил Шланг, долговязый юноша с беглыми вороватыми глазками и длинными, нервными пальцами картежного шулера.

– А где же он сейчас? – спросил Ань.

– Как где, брат? Он в Хайфоне¹¹! Где же ему еще быть?! – расхохотался Шланг, развеселив всю компанию.

– Так что же произошло, когда прибежал Хайфонец? – не отставал Ань.

– Все изменилось, – серьезно ответил Стриж. – Все изменилось, и с тех пор все было по-другому... Хайфонец, как увидел, что нас бьют, сразу побежал в нашу сторону, вклинился в толпу и с ходу, косым коротким ударом в висок тыльной стороной кулака, повалил того, что, смеясь как лошадь, собирался пнуть меня. Когда тот упал на землю, опрокинув стоявших своих, Хайфонец так же быстро ударил второго, здорового детину, прямым ударом в солнечное сплетение и, выведя из строя двоих, тут же начал стремительно отбиваться лок-

¹¹ Хайфон – город на севере Вьетнама.

тиями и коленями от набежавших на него со всех сторон гринго. В эту минуту нам стало так стыдно перед Хайфонцем, что, как по команде, мы вскочили и начали вместе, дружно отбиваться от тех, что нападали на него. Завязалась упорная драка, и, если сначала стало полегче, то уже через несколько минут я понял, что снова слабее под градом ударов, сыпавшихся на мою голову буквально со всех сторон. Ведь их было не вдвое или втрое, а впятеро-вшестеро больше, чем нас, человек тридцать, не меньше! Но в этот момент в наш переулок с обеих сторон начали забегать откуда-то взявшиеся мексиканские ребята с 38-й улицы и из Гавайских садов, и наше побоище сразу превратилось в настоящую кровавую баню для гринго. Теперь уже те в панике орали во всю глотку, призывая на помощь и умоляя о пощаде, плюясь кровью и зубами, но их били и били дальше. Большинство американцев просто легло на землю, чтобы показать, что не будут сопротивляться, но мексиканцы все равно пинали их, да так ожесточенно, словно хотели, чтобы их родная мама потом не узнала. Я нашел в толпе того типа, который ударил меня первым, он упал передо мной на колени и начал хватать меня за руки, пытаясь поцеловать их и твердя: «Sorry, sorry».

– И что ты сделал?

– Я сломал ему нос коленом, развернулся и ушел, а когда я оглянулся, один из мексиканцев что-то кричал ему в лицо, схватив за шиворот и приставив к горлу опасную бритву. Как я говорил, с тех пор все изменилось. В память об этом дне мы сшили себе такие же костюмы, как у тех мексиканских ребят¹², и с гордостью носим их, когда мы на побывке... А тебе, брат, все же надо спокойнее реагировать на провокационные слова. Это ведь просто сотрясение воздуха, не более того, оно ничего не значит в этой жизни.

– Ты пойми, Стриж, я не могу сдержаться, когда со мной обращаются так эти люди. Это мой город, мой район, а кто такой этот лейтенант? Кто он такой? Я ничего не имею против того, что он сидит и смотрит кино в моем городе, но когда он еще и оскорбляет местного только за то, что он местный, – это уже чересчур, вам не кажется?

– Да разве ж это оскорбление, брат? – задумчиво промолвил Кузнец, огромный тяжело-вес с руками как кувалды. – Слышал бы ты, какими словами нас осыпа ли те американские матросы. А ведь они тоже были на своей земле, в своем городе. По твоей логике они имели право так с нами обращаться?

– Ну во-первых, это не их земля. Лос-Анджелес – это исконная часть Ацтлана, так что на своей земле там были скорее уж те мексиканские ребята из Гавайских садов. Это если не говорить об индейцах.

– Брат, а ты много всякого знаешь, – сказал Стриж, закуривая папироску «Житан». – Хотелось бы с тобой побольше пообщаться.

– Я тоже на это очень надеюсь, друзья, – с жаром сказал Ань. – Приходите ко мне на Шарнье, 19. У нас с товарищами там небольшая типография, и два-три раза в неделю по вечерам после работы мы собираем всех наших друзей, чтобы вместе обсудить то, что происходит в нашей стране и в мире...

– Мы, наверное, придем, – Стриж вопросительно окинул взглядом своих друзей. Шланг лишь пожал плечами, а Кузнец утвердительно кивнул:

– Придем. Еще и Хайфонца приведем.

4

Уже находясь в Сайгоне, Ань часто вспоминал о своих пеших странствиях по Франции и Италии. Перед путником зачастую открываются истины, о которых лишь с трудом догадыва-

¹² Имеются в виду «зуты», костюмы, модные в 1940-х среди этнических меньшинств США – афроамериканцев, мексиканцев, итальянцев и филиппинцев.

ется оседлый, неподвижный человек. Странствия способствуют озарениям, когда ты знаешь, что озарения эти скрыты в самом тебе. Впервые ему захотелось покинуть ставший душным в те летние месяцы Париж после спора со старым Фаном, во время которого ему до одури захотелось глотнуть хоть капельку свежего морского бриза. Споры с Фаном зачастую порождали у него ощущение безнадежного тупика. Старый Фан был очарован Францией с ее Просвещением и Революцией, он верил в то, что новый свободный Аннам¹³ может быть рожден чуть ли не из союза с самими же колонизаторами, ведь в их Конституции записаны такие прекрасные принципы. Эти аргументы заставляли Аня задыхаться от ярости, его бесила упрямая слепота старого Фана.

– Поймите, дядя, ведь демократия – это обман, это ложь, при помощи которой держат в узде французский пролетариат. Свобода, равенство и братство существуют только на бумаге. Оглянитесь вокруг!

– Ничто не совершенно в действительности, – сухо отвечал старый Фан. – Но это не значит, что человек не должен стремиться к идеалу.

Они сидели в «Ротонде»¹⁴ на Монпарнасе. За соседним столиком двое пьяных вдрызг американца обсуждали некую Зельду. Судя по долетавшим до них обрывкам английской речи, обсуждаемая Зельда была женой одного из них и вытворяла какие-то совершенно невероятные вещи. Ань потянул свой галстук и вдруг рывком сорвал его. Столь же порывисто он поднялся из-за столика.

– До свидания, дядя, – сказал он. – Мне надо побыть одному.

Фан рассеянно кивнул, помешивая свой кофе и сосредоточенно рассматривая красные кленовые листья, усеявшие их стол.

Сначала Ань намеревался совершить лишь долгую прогулку по парижским предместьям, но, выбравшись из города через Булонский лес с посохом в руке и дорожной котомкой за плечом, сам того не замечая, он начал уходить все дальше и дальше вглубь провинции. В его сердце звучала грустная музыка стихов Бодлера. «И моя душа надтреснута, словно тот колокол, – думал он. – Она хочет наполнить своими песнями студеной воздух этих ночей. Ее слабеющий голос подобен столам тяжелораненого солдата. Вот он лежит под горой трупов, на краю озера крови, и борется, борется, до тех пор пока он не умрет... Какие же это прекрасные слова! Как точно они отражают состояние души страждущих этой земли».

Лежа на песчаном каннском пляже, Ань вспоминал о старом Фане с какой-то обреченной жалостью. Сам он не верил ни в какой иной прогресс, кроме прогресса благосостояния правящих классов за счет растущей нищеты обездоленных масс. Размышляя о возможности изменить мир к лучшему, он верил лишь в индивидуальную волю, этот неподвластный рациональному толкованию феномен, способный на самые удивительные и непредсказуемые свершения. Будучи завзятым нищезанцем, он в то же время абсолютно не разделял выводов философа о том, что индивидуальная воля направлена всегда лишь на завоевание власти над себе подобными. Это казалось ему слишком мелким. Власть над людьми? Увольте! Ведь воля личности сильнее всего именно тогда, когда она направлена к свету свободы, когда ею движет творческий импульс к совершенствованию этого мира. Вот что такое воля. Но воли одного человека слишком мало – это все равно, что добровольно бросаться к молоху истории репрессивного государства.

¹³ *Аннам* – название центральной части Вьетнама в годы французского протектората, с 1883-го по 1945 год.

¹⁴ «*Ротонда*» – знаменитое кафе в парижском квартале Монпарнас, любимое место космополитической артистической и литературной богемы Парижа 1920-х.

Неудивительно, что при таком наборе мыслей наибольшим спросом статьи Аня пользовались в анархистской прессе Франции, особенно в газете «Либерте»¹⁵.

«Нужно единство индивидуальных волей – Союз равных, как у Штирнера¹⁶. Большевики смогли создать союз индоктринированных индивидов, кадровую партию, теперь очередь за нами, еще более свободолюбивыми людьми, теми, кто левее большевиков, – думал он, прислушиваясь к мерному шуму волн, разбивавшихся о берег. – Как же мне не хватает спутников! Не масс для понукания, а равноценных товарищей по борьбе. Видит бог, они мне нужны не меньше, чем философу Заратустре, и, возможно, так же, как и он, я никогда не отыщу таких людей».

Его размышления прервал громкий всплеск. Это девушка, стремительно пробежавшая мимо него по песку, бросилась в море и поплыла навстречу волнам. Странно, как он ее не заметил, погруженный в свои размышления? Он намеревался сделать лишь небольшую остановку в Каннах, как раз чтобы окунуться в море, перед тем как продолжить свой путь к итальянской границе. Еще по дороге из Лиона в Авиньон Ань твердо решил направить свои стопы в Вечный город. Между тем, немного поплескавшись в ласковых средиземноморских водах, девушка уже выходила на берег из пены морской, отжимая свои густые волосы и искоса поглядывая на иностранца. Она подошла к нему и запросто, доверительно спросила:

– Ты из Аннама?

Ань присел на песке и кивнул. Она улыбнулась.

Ее звали Марилу. Из-за нее он задержался на том пустынном пляже еще на неделю. Она приходила ближе к полудню, приносила с собой корзину с едой и запотевшей бутылкой холодного белого вина. Она с интересом слушала обо всем, что творилось в голове у загадочного чужестранца, раскрывшего перед ней свою душу. В числе прочего говорил он с ней и о старом Фане, и о своей несогласии с ним.

– Я сам перевел Руссо¹⁷ на язык своей страны, Марилу, но я никогда не поверю в возможность социального контракта между властью и народом. Как можно всерьез утверждать, что избирательный бюллетень, брошенный в урну раз в несколько лет, способен подарить человеку свободу? Это же насмешка над здравым смыслом!

– Ты анархист, иностранец.

– Да, я анархист, если на то пошло! Народное волеизъявление – это не голосование за политических мошенников, нет! Это природное явление, способное перевернуть устоявшийся порядок, это дремлющее цунами творческой энергии.

– Ты мечтатель, иностранец.

– Марилу, да ты оглянись вокруг! Ты только подумай о том, что происходит сейчас в Советской России! Будущее уже здесь, с нами.

Она покачала головой.

– Мир не пойдет за Россией. Франция не пойдет за ней.

5

Жизнь Хошимина была самой бурной из всех Пяти Драконов. Едва достигнув совершеннолетия, но уже имея за плечами солидный багаж неприятностей с политическим сыском, отплыл из Сайгона в Марсель, нанявшись прислугой к судовому коку. Поскольку неприятности преследовали его и во Франции, оттуда он спустя пару месяцев тоже отбыл, все так же

¹⁵ «Либерте» – старейшая французская анархистская газета.

¹⁶ Штирнер, Макс – немецкий философ, идеолог анархо-индивидуализма.

¹⁷ Руссо, Жан-Жак – французский мыслитель эпохи Просвещения, автор трактата «Общественный договор».

помощником кока, на корабле, идущем в Нью-Йорк. Жил в Гарлеме, потом в Бруклине. Вскоре поиски работы вынудили его перебраться в Детройт, где он устроился рабочим на автомобильной фабрике. Пожалуй, лишь одному ему из всех остальных кадровых революционеров жизнь индустриального пролетариата была знакома не понаслышке, и, видимо, она ему понравилась не особо, так как уже через два года он опять собрался и пустился в плавание в обратном направлении, в Старый Свет.

Именно в Англии он впервые познакомился с «Капиталом» Карла Маркса, который штудировал долгими ночами, после утомительных рабочих дней в «Карлтоне», где трудился официантом. Эта книга перевернула всю его жизнь. Когда начались неприятности, связанные с разрешением на работу в Великобритании, ему пришлось вернуться во Францию. В Париже он повстречал одного за другим остальных Четырех Драконов. Эти встречи стали судьбоносными не только для него самого, но и для всего народа Индокитая. К тому времени он начал неплохо зарабатывать, сотрудничая с различными парижскими газетами. Именно в качестве репортера он впервые познакомился с главным редактором «Юманите» Марселем Кашеном. Они разговорились во время профсоюзного шествия, по пути с площади Согласия на площадь Республики. Кашен был впечатлен глубоким подходом этого молодого выходца с Востока к теоретическому наследию Маркса.

– Вы не представляете, мой друг, как был бы рад Поль Лафарг¹⁸, услышав о вас. На днях я выезжаю в Москву, и не удивляйтесь, если у вас будут гореть в это время уши. Потому что я буду рассказывать о вас Ленину, Троцкому, Зиновьеву. Я расскажу о вас товарищу Кобе¹⁹ и товарищу Радеку²⁰.

– Вы очень добры, товарищ Кашен, – смутился Хошимин.

В тот же вечер Кашен пригласил Хошимина в «Се-лект», где представил его Торезу, Суварину и Гильбо²¹.

– Жму вашу руку, товарищ, – сказал Суварин, внимательно вглядываясь в глаза революционера. – Марсель рассказал нам о вас.

– Рад встрече, друг, – приветствовал его Морис Торез, молодой рабочий с точно таким же горящим взглядом, как у самого Хошимина.

Анри Гильбо лишь важно кивнул, но его улыбка была чрезвычайно радушной. Тот долгий зимний вечер начался с теоретических вопросов. Разговор новых друзей как-то сам собой завязался вокруг последней работы Ленина, «Детской болезни левизны», затем плавно перешел к партстроительству. Большинство высказывалось в пользу ленинской концепции «демократического централизма». Один лишь Суварин опасался, что такая практика способна привести к излишнему парламентаризму в работе партии и что при вынесении решений оказавшиеся в большинстве примазавшиеся к партии попутчики революции будут способны увести ее вспять. Хошимин помалкивал и внимательно прислушивался к разговору. Внезапно Морис Торез обратился к нему:

– Вот вы, товарищ Хошимин, так же как и я, и Борис, реально работали на фабрике, стояли у станка. Что скажете вы о революционной сознательности рабочих масс?

Хошимин прокашлялся и после непродолжительной паузы, во время которой он обдумывал свой ответ, медленно сказал, словно сделал заявление:

¹⁸ *Лафарг, Поль* – французский марксист, зять Карла Маркса, муж Лауры Маркс.

¹⁹ *Коба* – псевдоним Иосифа Сталина.

²⁰ *Радек, Карл* – видный член ЦК РКП (б), секретарь исполкома Коминтерна, сторонник Троцкого, расстрелян в 1939 году.

²¹ *Торез, Морис* – французский коммунист, генеральный секретарь ФКП в 1930-1950 годах; *Суварин, Борис* – французский коммунист, один из основателей и руководителей ФКП, критиковал Сталина, считал строй СССР государственным капитализмом; *Гильбо, Анри* – французский поэт, публицист, политик, один из основателей ФКП.

– Я убежден, что рабочие массы не обладают классовым политическим сознанием. Только партия профессионально подготовленных революционеров способна установить диктатуру пролетариата. Только диктатура пролетариата способна преодолеть власть капитала. Что же касается методов борьбы и партийной дисциплины, то пока в эмпирической реальности только большевистской партии удалось установить диктатуру пролетариата. А в большевистской партии рабочим методом является демократический централизм.

Все задумчиво закивали головами. В тот вечер они решили основать Французскую коммунистическую партию.

6

Я родился в год Тигра, когда у власти в Париже уже не первый год находился Антифашистский народный фронт, широкая коалиция из социалистов, радикалов и коммунистов из ФКП. Рабочее движение развернулось тогда в полную мощь, добившись, после целой волны забастовок и оккупаций, многих важных успехов. У кабинета Блюма²² были выбиты сорокачасовая рабочая неделя, повышение зарплат от семи до пятнадцати процентов, оплачиваемые отпуска, право заключать коллективные договоры и многое другое. Сайгон по цепной реакции тоже охватили стачки. Бастовали арсенал, портовые грузчики, Трансиндокитайская железная дорога, трамвайные депо, прачечные. Нередко раздавались одиночные револьверные выстрелы – убивали жестоких плантаторов, несправедливых прокуроров, палачей из Сюртэ, как в ночи, так и средь бела дня, в толпе.

Товарищ Ань в то время с головой ушел в проект создания Индокитайского конгресса. Идея зародилась в ходе одного из собраний импровизированного кружка в типографии газеты «Надтреснутый колокол». Темой в тот вечер стало движение Ганди за независимость Индии. Услышав о том, как индийцы добились в свое время от англичан права участвовать в местных выборах, а потом даже смогли ввести своего представителя в британскую Палату общин, где он отстаивал интересы простого индийского народа, присутствующие расшумелись. Новые друзья, матросы, привели в тот раз с собой Хайфонца, очень сдержанного юношу, с непроницаемым выражением лица, который выказывал свой истинный, тигриный нрав лишь изредка, когда злился или был чем-то взволнован. Он и заговорил первым, весьма неожиданно, о том, что организация, схожая с Индийским конгрессом, могла бы стать первым шагом к построению коалиции по типу Народного фронта из метрополии.

– Вы сказали, что ваш друг – важный человек в одной из партий, что находятся у власти в Париже, – сказал он Аню, и, поскольку до этого Хайфонец молчал весь вечер, все повернулись к нему и внимательно прислушались. – Почему бы нам не попробовать открыть свой филиал Фронта, наподобие местного представительства? У вас столько хороших идей, которые вы смогли бы донести до французского правительства, где вас наверняка услышат.

– Это не мой метод, – задумчиво ответил Ань. – Ты знаешь, мне ведь предлагали чин, когда я только прибыл из Европы. Губернатор Коньяк предложил мне должность мирового судьи и земельную концессию. Я отказался. Мне не нужна власть. Лично я никогда не вступлю в партию Хошимина, потому что я не верю и не поверю, что он действительно представляет чаяния простого народа. Но это тема для отдельного разговора...

– Но народ, – подхватил Хайфонец. – Народ мог бы воспользоваться такой властью, чтобы улучшить свои условия. В каждой провинции, в каждом округе, в каждом селе можно было бы организовать народные комитеты, которые прислали бы в Сайгон своих делегатов. Сначала мы бы собрали Индокитайский конгресс, потом мы организовали бы на его основе свой Народный фронт.

²² Блюм, Леон – французский политик, социалист, премьер-министр Франции в 1936–1937, 1938, 1946–1947 годах.

– Надо подумать, – согласился Ань. – Можно составить небольшой текст для листовки, отпечатать ее прямо здесь и распространить везде, где мы уже продаем «Надтреснутый колокол», – начать с депо Французской трамвайной компании, цехов табачной фабрики, ликеро-водочного завода в Биньтае, нефтебаз в Ньябе...

– В типографиях города, на вагоноремонтном заводе и на железных дорогах, среди водителей автобусов из Таншоннят, – подхватил главный редактор Эжен де ла Бати, наполовину вьетнамец по матери.

Честно говоря, по-моему, это была довольно оппортунистическая идея, чем-то смахивавшая на попытку выторговать крупную сумму суверенитета у Парижа для горстки политизированных, анархо-троцкистских активистов. В любом случае охранка из Сюртэ вскоре арестовала всех участников той встречи даже за этот невинный проект, обвинив их в сепаратизме и попытке «раскола и нарушения территориальной целостности нашей общей родины, Французской Республики». Их освободили только после прямого коллективного обращения местной интеллигенции к Леону Блюму. Премьер-министр пообещал провести радикальное обновление колониальной системы. Разумеется, он отнюдь не собирался отказываться от заморских территорий и солидных доходов, приносимых ими в республиканский бюджет, это понимали все. Ребята вроде Хайфонца и других матросов, спонтанно примкнувших к движению, тюрьма лишь закалила и укрепила в их выборе, в революционной борьбе. Они убедились, что демократия с их мнением не считается.

7

Как говорили в тот год в народе, «год Крысы – неприятности, год Быка – потери, год Тигра – зло». И в самом деле, по словам стариков, если в год Крысы урожаи поедала засуха, то в год Быка начались наводнения, а в год Тигра – репрессии. Именно в год Тигра правительство издало декрет о призыве двадцати тысяч местных стрелков для защиты Отечества от угрозы военной агрессии со стороны фашистской Японии. Но вьетнамцы отнюдь не горели желанием идти под пули по приказу господ Блюма, Муте²³ или Даладье из далекого Парижа. Рекрутские агентства и военкоматы столкнулись с массовым уклонением. Самые отчаянные дезертиры пошли даже на членовредительство. В качестве генерал-губернатора в Индокитай впервые прислали военного – генерала Катру.

К тому времени войска императора Хирохито действительно вплотную сконцентрировались на границах Индокитая, планируя вторжение на остров Хайнань в непосредственной близости от вьетнамских территориальных вод. Сиам, стремившийся присоединиться к оси Рим-Берлин-Токио, в качестве охвостья, также выдвинул свои войска к южным границам Индокитая с другой стороны, надеясь оттяпать лакомые куски территорий Камбоджи и Лаоса. Японской пропаганде в тот период удавалось находить определенный отклик среди местных реакционеров. Они говорили о радикальном обновлении человечества, о счастливых временах, которые наступят с формированием Восточной лиги процветания, свободной и очищенной от западных колониалистов, под неусыпным оком Восходящего солнца. Аннамским националистам пришелся по душе лозунг «Азия для азиатов». Здравомыслящие люди понимали, что в действительности он подразумевает «Азию для японцев», горделивых наследников самураев и шогунов.

Влобовую столкнулись геополитические и экономические интересы разных держав – прибыли американских и британских предпринимателей стремительно падали в Шанхае и Гон-

²³ Муте, Мариус – министр заморских территорий в правительстве Леона Блюма.

конге. На самом деле речь шла о полномасштабной колонизаторской кампании, проводимой двумя старинными кланами, преобразованными в тресты, Мицуи и Мицубиси.

Японская армия показала свое истинное лицо во время Нанкинской резни в Китае. Пресловутая честь самураев, о которой говорилось столько высоких, пафосных слов, была на веки вечные попорчена и опозорена в дни оккупации Нанкина. Распоясавшаяся солдатня не просто подвергла тогда безоружное население города массовой, беспорядочной резне, выстраивая мужчин, чтобы оттачивать на них штыковые навыки. Их офицеры с видимым садистским удовольствием расправлялись со стариками, женщинами и детьми на глазах у их же семей, а ведь это противоречит любым мыслимым представлениям о поведении мужчины. Они вспарывали штыками животы беременных женщин и подвергали маленьких детей групповым изнасилованиям в извращенной, немыслимой форме. Насиловали всех девочек старше четырех дней, а тех, что постарше, еще и калечили, отрезая половые губы, истязая, терзая ножами и тупыми предметами, превращая их половые органы в кровавое месиво, перед тем как, облив керосином, сжечь заживо. Ни один народ, ни одна культура, ни один из видов животного мира не допускают ничего подобного хотя бы потому, что такие действия противоестественны. Но орава прыщавых девственников из Японии, свихнувшихся от казарменной муштры и слепого повиновения, в своей нелепой, неуместной, подлой жестокости, казалось, стремилась поразить весь мир симптомами массового психоза, отравившего эту маленькую перенаселенную, милитаризованную страну. В самом деле, они будто бы задались целью доказать, что человеческое существо в своем бесчестии может скатиться гораздо ниже, чем воображали до сих пор. Парадоксальным образом почему-то именно те, кто больше всего одержим идеей сверхчеловека, зачастую претерпевают подобную деградацию, являя миру четкую клиническую картину состояния низшей формы развития, недочеловека. Военные преступники из японской армии потом предстали перед судом и были приговорены к смертной казни, но это произошло лишь через долгих десять лет.

Дядя Нам, мой приемный отец, владел большим заводом по производству черепицы в Кантхо, примерно в сотне километров от Сайгона. В тот год он решил на всякий случай инвестировать кое-какой капитал из своей заначки в небольшое, но прибыльное предприятие в черте города. Так, на первом этаже дома, в котором мы все жили, открылась курильня опиума «У Нама». В ней дядя Нам и познакомился с одной из своих регулярных клиенток, обворожительной опиоманкой Фын. У нее были зачаровывающие миндалевидные глаза, тонкие руки и густые, длинные волосы. Когда она смотрела, нездоровый блеск ее таинственных глаз словно бы рассказывал тебе о чудесах страны фей, в которой она жила, днями и ночами преследуя сказочных драконов, блещущих чешуей неведомых цветов. С ней дядя Нам впоследствии обрuchился и провел несколько долгих и, возможно, в чем-то счастливых лет. Специально ради того, чтобы иметь возможность уединиться с ней, он снял комнату на бульваре Галлиени, неподалеку от рынка Бен-Тхань. Они лежали бок о бок сутки напролет на низких кушетках, сдвигаясь с места время от времени только за тем, чтобы приготовить очередную трубку опиума. В каждом движении тети Фын сквозило необъяснимое сладострастие. Она вытаскивала длинной иглой очередной шарик густого и вязкого вещества из фирменной жестяной баночки с изображением черной кошки, размазывала его по чашечке инкрустированной золотом трубки из слоновой кости и торжественно выпаривала его над свечой в свои легкие посредством нескольких благоговейно жадных затяжек. За бизнесом курильни присматривали понемногу все домашние. Дядя Нам только и делал, что валялся под кайфом целыми днями со своей красоткой. По моему, они даже не занимались любовью, а только курили и валялись, бессмысленно глаза в потолок, на гипсовые орнаменты или на лопасти вращавшегося над ними вентилятора. Такими я их и запомнил. Они казались мне похожими на призраков из иных миров.

Сезон дождей закончился так же внезапно, как и начался. Настали погожие деньки. Ранним утром одного из таких солнечных дней, когда мы шли в школу с Софи и Рене, мы увидели на тротуаре мертвеца. Это был обычный парень, лежавший у стены рынка Бен Тхань в луже крови. Он лежал там, распластавшись как бесформенный куль, в нелепой позе, запрокинув лицо в небо и раскидав руки в стороны. Я успел заметить, что у него вывернуты и переломаны все пальцы, кожа покрыта ожогами, а лицо превратилось в один сплошной лиловый синяк. Вокруг пулевых отверстий темнели пятна подсыхающей крови. Над ним уже роились с назойливым жужжанием мухи.

Я невольно приостановился, но Рене, пугливо озираясь по сторонам, настойчиво потянул меня за рукав, шепнув:

– Пойдем быстрее отсюда. Это, должно быть, коммунист, расстрелянный Сюртэ на рассвете.

В свое время Даладьё²⁴, сменивший Блюма на посту главы правительства, договорился с Гитлером, что Франция не будет возражать против территориального передела Чехословакии в обмен на призрачные гарантии ненападения, те гарантии, что нацистская Германия не уважала и не соблюдала никогда, как это было известно всем. Французская публика, вместо того чтобы закидать Даладьё помидорами, встречала его из Мюнхена цветами. Когда же Молотов заключил схожий пакт о ненападении и разделе Польши с Риббентропом, Франция сочла нужным возмутиться, решив отыгаться на собственных коммунистах, запретив их деятельность и подвергнув их самих суровым репрессиям. ФКП была распущена, газета «Юманите» запрещена, весь ее тираж изъят из обращения. Помимо всего прочего, пакт оказался еще и удобным предложением для того чтобы разделаться с сильным конкурентом внутри правящей коалиции. Вот тогда-то Сюртэ и сорвалась с цепи, начав самую настоящую облаву на коммунистов и у нас, в Индокитае. Правда, местные коммунисты благодаря этому только усилились, уйдя в подполье. Опираясь на низовые комитеты действия, сформированные еще во время движения за Индокитайский конгресс, они начали тихо и упорно, шаг за шагом, плести широкую сеть из подпольных революционных групп, постепенно опутывавшую собой Кошиншину, Тонкин²⁵ и Аннам. К ним примыкали самые разные люди, от высокообразованной франкоязычной интеллигенции до простых ребят вроде Кузнеца, Шланга и Стрижа.

Прошло не так уж много времени, как наступил черед Франции. Гитлер оккупировал ее в считанные дни. Та самая пацифистская публика, миллионы граждан, побросав свои дома и имущество, в панике устремились в сторону побережий, пока боши, чеканя шаг, входили через Триумфальную арку в Париж хорошо организованными колоннами, попирая подошвами кованых сапог Елисейские поля и тенистые бульвары Первого округа, под победный рев своей тяжелой бронетехники, пантер и мессершмиттов. Что касается Индокитая, то его судьбу решила относительная слабость нацистского флота. Фюрер признался дуче, что он оставил Империю за Францией лишь потому, что не желал отвлекаться на военно-морские операции в дальних водах. Это совсем не вписывалось в стратегию завоевания жизненного пространства на континентальных широтах. На свет божий извлекли престарелого маршала Филиппа Петэна, некогда победившего Германию во время Первой мировой, под Верденом. Тот присягнул на верность победоносным оккупантам и объявил коллаборационизм национальной политикой. Новая Франция должна была стать консервативной, аграрной и католической. К нам в Индо-

²⁴ Даладьё, Эдуард – французский политик, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938–1940 годах.

²⁵ Тонкин – старое название Северного Вьетнама.

китай новоявленное правительство Виши²⁶ срочно назначило генерал-губернатором адмирала Деку, верного сторонника Петэна.

Через несколько дней после торжественной инаугурации адмирала агенты Сюртэ арестовали на одной из сайгонских улиц некоего товарища Биня, расклеивавшего листовки с призывами к «вооруженной борьбе против французского нацизма, не менее беспощадной, чем против японских фашистов». В тот же день в желтое здание с наглухо закрытыми ставнями привезли еще одного арестанта – Та Уэна, за месяц до этого бежавшего с каторги. При нем была обнаружена депеша с детальными указаниями от центрального комитета партии всем местным ячейкам. В частности, в депеше были обозначены адреса в центре Сайгона, по которым должен был быть обеспечен транспорт для перевозки людей, а также требующееся количество автомобилей.

Красными крестиками были помечены узловые пункты для возведения баррикад вроде рю Верден. Ниже прилагался список арсеналов, где следовало произвести экспроприации, с точными данными о количестве единиц стрелкового оружия и массе взрывчатых веществ, за которыми следовали адреса офицеров Сюртэ, шпииков, палачей, ответственных за убийства и пытки революционеров. Этим людям предписывалось ликвидировать на месте.

Два этих успешных ареста помогли Сюртэ срочно принять меры по усилению безопасности в центре Сайгона. Тем не менее хорошо подготовленное вооруженное восстание не замедлило вспыхнуть в десять вечера того же дня на окраинах Сайгона и Шолона, охватив собой практически все города и районные центры дельты Меконга. Повсюду были разграблены арсеналы, захвачены главпочтамты и административные здания со всеми их архивами. Казнены десятки шпииков и палачей. Повстанцы попытались перерезать мосты, телеграфные провода, линии коммуникаций.

Адмирал Деку, столкнувшись со столь теплым приемом, поспешил показать, что тоже не лыком шит. Он немедленно распорядился бросить в бой всю колониальную пехоту, части Иностранного легиона, расквартированные вокруг Сайгона, специальные подразделения Сюртэ и авиацию. Бомбардировки и плотный пулеметный огонь на земле накрыли всю Долину Джонок, выкашивая целые деревни, унося жизни тысяч мирных граждан.

– Мы здесь одни на защите Отечества, господа! Нас сорок тысяч против миллионов азиатов. Если мы сможем победить, мы сослужим хорошую службу белой расе! – воскликнул адмирал Деку, принимая докладчиков после завершения операции по подавлению восстания.

– Простите, мой адмирал, – ответил один из присутствовавших, капитан, только что прибывший с Севера. – Но у меня чрезвычайно срочное донесение. В ответ на ваш отказ выполнить условия ультиматума японцев части квантунской армии вторглись в пределы Французского Индокитая в Тонкине и нанесли поражение нашим военным в Лангшоне. Наши славные войска понесли большие потери и были вынуждены капитулировать.

Деку внезапно помрачнел и отвернулся к окну, выходящему на автосалон Бенье. Он оперся обеими руками на подоконник, мрачно разглядывая оживленную сутолоку на углу бульваров Боннар и Шарне. Кипя от негодования, он вдруг поймал себя на мысли, что невольно любит Сайгоном. Да, это было прекрасное творение французских рук, имперской эстетики, пересаженной на чуждую почву, в субтропики. «Как смеют аборигены претендовать на то, что мы уйдем и оставим им свою же собственность? – думал он. – Не они создали этот город, да и земля-то ведь не вьетнамская. Если на то пошло, они сами отняли эту землю в свое время у кхмеров, этого древнего народа, поклонявшегося индийским богам. Теперь вот япошки, новая напасть». После долгой паузы, проведенной присутствующими в напряженном молчании, он жестом подозвал адъютанта и буркнул:

²⁶ Вишистский режим – пронацистский режим во Франции в 1940–1945 годах.

– Что там у нас из Виши, Жак?

– Приказ маршала Петэна, мой адмирал. Вам предписывается немедленно заключить соглашение с дружественной Японией о признании ее привилегированной роли и права на отстаивание своих интересов по всему Дальнему Востоку.

9

Толпы плохо вооруженных и безоружных французских колонистов маршировали по бульвару Боннар, сте ны домов которого были увешаны триколорами с гербами, изображавшими обоюдоострый топор древне германского племени франков и портретами маршала Петэна. Они вразнобой скандировали: «Родина! Труд! Семья!» Лучше всего им удавалось дружно орать в тысячи плоток: «Маршал, мы здесь!»

За ними стройными рядами следовали вьетнамские подростки. Это были отряды так называемой «Авангардной молодежи», собранные из отпрысков лояльных Франции богатых католических семей. Учившиеся во французских школах и посещавшие французские секции по футболу и регби, они не менее слаженно выкрикивали своими ломкими голосами: «Маршал, мы здесь!»

Деку вышел на балкон и в стиле Муссолини поприветствовал марширующие колонны римским салютом. По бульвару прокатился восторженный рев: «Адмирал, мы здесь!»

Деку не обманывался на их счет. При ближайшем рассмотрении, имея дела с местными французами, он не мог отделаться от брезгливого ощущения, что в Индокитай в свое время были слиты наиболее никчемные представители французской нации, люди без чести и достоинства, завистливая и агрессивная чернь. Но что делать – это был весь имевшийся в наличии человеческий материал, *его* материал, и с ним надо было работать. Мысленно он сравнивал себя с Огюстом Роденом – ведь работа с человеческим материалом требовала усилий, схожих именно с трудом скульптора. Народ, инертные массы, во всем подобен бесформенной глыбе мрамора или гранита. Молоточком и скапелем, ножовкой и рашпилем, с ним надо работать кропотливо, на износ, чтобы в итоге создать прекрасное изваяние, живущее волей своего создателя. Деку подошел к своему массивному столу из мореного дуба, уселся в мягкое кожаное кресло и вернулся к работе над документом, подробно изучая каждую его строчку и сверяясь с наваленными тут же в кипу досье, полученными от отборных следователей Сюртэ. Закончив к вечеру, он позвонил в колокольчик и передал бумагу адъютанту.

– Помеченных галочками – депортировать. Помеченных крестами – в Пуло-Кондор.

Это был список евреев и масонов, выявленных в колониальной администрации. Когда адъютант Жак Коллу, молодой человек из хорошей нантской семьи, шелкнув каблуками, удалился, Деку откинулся в кресле и плеснул себе коньяку. Смакуя выдержанный напиток с далекой родины, с чувством выполненного долга он закурил крепкую сигарету «Голуаз» и глубоко затянулся. Предстояла тотальная чистка местного французского населения, среди которого Сюртэ все чаще раскрывала инакомыслящих, сторонников голлистского Сопротивления или лиц, симпатизирующих коммунистическому движению. Нельзя сказать, что мероприятия по подобным репрессиям были как-то очень приятны адмиралу. Деку считал себя человеком высокой культуры и тонкого вкуса. Он понимал музыку Клода Дебюсси, ценил живопись импрессионистов, восторгался архитектурой Османа. Ему претила гитлеровская зоологическая политика целенаправленных, псевдонаучно обоснованных этнических чисток. Свою миссию в Индокитае он считал цивилизационной – не сомневаясь в превосходстве своей культуры над местной, он рассматривал постепенное офранцуживание местной элиты как благо для всего населения Индокитая.

Его мысли были прерваны бесцеремонным стуком в дверь. Жак Коллу буквально ворвался в кабинет генерал-губернатора, все еще стискивая в деревенеющих пальцах вверен-

ный ему документ с еврейскими фамилиями. Вытянувшись в струнку напротив стола, он возбужденно отрапортовал:

– Мой адмирал, мы атакованы. Сиамские войска вторглись в пределы Франции на индокитайской границе.

Деку поперхнулся коньяком. Это было уже чересчур. После поражения, понесенного французами в Лангшоне, тайцы сочли их войска настолько слабыми, что без объявления войны бесцеремонно приступили к переделу южных территорий, на которые Франция имела безраздельные права.

Деку хорошо ориентировался в идеологическом наследии своих предшественников, постепенно осваивавших эти территории, начиная со времен Второй империи. Около полувека назад Огюст Пави, французский исследователь и этнолог, отправившись в экспедицию по Лаосу и столкнувшись там с китайскими тайпинами²⁷ из армии Черного флага, безнаказанно громившими и грабившими лаосские города, организовал эвакуацию королевской семьи по Меконгу и, призвав части Иностранного легиона, выбил пиратов из городов. Лаосский король тогда присягнул на верность Империи, а Пави предъявил тайскому королю Раме V ультиматум, по условиям которого тот вынужден был признать французский протекторат над Лаосом.

Теперь тайский генерал-майор Пибун, при молчаливой поддержке своих союзников из Японии, развернул боевые действия не только в Лаосе, но и в Камбодже, которая отошла к французам еще при Наполеоне III.

– Терро ко мне! – выкрикнул побагровевший адмирал.

Уже через полчаса порог приемной степенно переступил контр-адмирал Жюль Терро при полном параде.

– Жюль, нас атаковали с земли и с воздуха, – пожаловался Деку. – Их ВВС прекрасно вооружены и обучены японцами. Необходимо дать им достойный ответ на море.

Терро кивнул.

– Какими силами мы располагаем на данный момент?

– Я организую оперативную группу из крейсера и четырех шлюпов. Думаю, мы способны полностью уничтожить флот противника, мой адмирал.

– Отлично! Одновременно мы начнем мощное контрнаступление на суше.

Но французское контрнаступление на суше в тот раз захлебнулось и утонуло в шквальном артиллерийском огне.

Внимательно наблюдавшая за конфликтом Япония тут же поставила обеим сторонам ультиматум о немедленном прекращении боевых действий. Скрепя сердце и стиснув зубы, паладин расового превосходства Деку подписал соглашение об уступке спорных территорий в пользу Сиам. Генерал Накамура, лицемерно выражавший на церемонии примирения сожаление о «досадном недоразумении при Лангшоне» от имени микадо, буквально продиктовал сторонам условия заключения мира, после чего телеграфировал в Токио, что дорога на Индию открыта. Заручившись верноподданническими заверениями в союзничестве уже произведенного в фельдмаршалы Пибуна, он действительно обеспечил Японии беспрепятственный путь по бирманской железной дороге в сторону Малайзии и главных жемчужин британской и нидерландской колониальных корон Индии, Малайзии и Индонезии, считавшихся, наряду с США, принципиальными врагами Империи. Закрепив за собой власть, тайские фашисты переименовали древнее многонациональное королевство Сиама в Таиланд – по имени правящей этнической группы – и запустили маховик планомерных притеснений и репрессий этнических меньшинств.

²⁷ Тайпины – народное повстанческое движение даосов в Китае (1850–1864), выступавшее против династии Цин.

В декабре, уничтожив на Гавайях восемь американских крейсеров, половину ударной силы военно-морского флота США, а также базу ВВС США в Маниле –

другой американской колонии, Япония развязала себе руки для полномасштабной агрессии по всему Восточному полушарию.

Адмирал Деку по приказу маршала Петэна предоставил японским войскам коридор для беспрепятственного прохода и базирования в Индокитае в обмен на возможность сохранять видимость власти Вишистского режима. Так расовому тамплиеру пришлось превратиться в марионетку в безжалостных руках Накамуры и Хирохито. Французский Индокитай стал не только перевалочной базой для победоносных императорских войск, но и обязался снабжать Японию рисом, маисом, каучуком, углем и другими полезными ископаемыми в обмен на текстиль и промышленную продукцию.

10

Дождь уже пятые сутки стучал по густому покрову ползучих, хватких лиан с их клейкой листвой, по естественному широковетвистому навесу мангровых деревьев над землянкой Хошимина. Товарищи, отбывшие на встречу с гоминьдановскими генералами в Гуанси, запаздывали. Он лично выдал им пятьсот долларов, полученных от Коминтерна из Москвы, на банкет с китайскими генералами. В этом его убедил товарищ Хоанг, доказывавший, что после такого банкета «нас будут больше уважать, и мы добьемся большей помощи». Хошимин с непонятной ему самому тоской думал о том, как же давно он не видел своего друга Аня, этого искреннего романтика революции. Он вспоминал споры, длившиеся до рассвета в Латинском квартале, которые прерывались внезапно охватывавшими их приступами безудержного веселья, когда молодая кровь брала верх над политической риторикой и они начинали куролесить по всей столице.

Последнее, что Хошимин слышал о своем товарище: Ань обрил голову на манер буддийского монаха, оделся в традиционное черное рубище крестьянина и странствует по отрезанному от колониальной цивилизации деревушкам Долины Джонок, добывает пропитание своим трудом и пытается пропагандировать анархистские идеи в селах простому народу. Сам Хошимин уже не первый год обретался в густых чащах Юннани²⁸ – он был командирован сюда из Москвы комиссаром Восьмой армии. В год Тигра отбыл он из далекой Алма-Аты, чтобы через безжизненные пески Гоби, обширные незаселенные пустоши Синьцзяна и зеленые нагорья Сычуани добраться сюда, к партизанским базам Южного Китая. В последние несколько месяцев в приграничные с Тонкином провинции Китая шли потоки вьетнамцев, горевших желанием бороться против фашизма. Гоминьдановцы²⁹, чьи руки были по локоть в крови рабочих, бастовавших в Шанхае и Кантоне чуть больше десятка лет назад, заключили немыслимый до того альянс с китайскими коммунистами, так называемый Второй Объединенный фронт. Они вынуждены были пойти на это во второй раз перед лицом несокрушимого врага с далеких островов, уже оккупировавшего всю Азию. Теперь они все чаще обращали свои взоры на Индокитай. Если японцы довольно успешно вербовали себе там последователей из числа реакционеров, националистов и приверженцев эзотерических религиозных сект, вроде Каодай или Хоахао³⁰, то Гоминьдан стремился максимально использовать в своих целях ресурс антияпонского сопротивления.

Хошимин, как революционер, прошедший большевистскую кадровую школу в Москве, знал, что все, что требуется этим массам, – это направляющая их стальная рука. С наив-

²⁸ Юннань, Синьцзян, Сычуань – регионы Китая.

²⁹ Гоминьдан – политическая партия китайских националистов, в настоящее время правящая партия на Тайване.

³⁰ Каодай, Хоахао – появившиеся в начале XX века вьетнамские религиозные секты буддийского толка.

ными мечтаниями товарища Аня можно было веками и даже тысячелетиями ожидать великого массового движения, наподобие «желтых повязок»³¹, тайпинов или тэйшонов³², способного на прыжок в небеса, в народную утопию. «Нет, – думал Хошимин. – Мы пойдем другим путем. Колоссальной силе машины японского милитаризма, во всем схожей с железом и сталью, можно противопоставить только железную дисциплину и стальную организацию большевистской партии».

Хошимин хорошо знал историю своего народа и очень гордился ею. «Монголо-татары подчинили себе просторы Евразии, надели ярмо на Русь и Китай, привели в ужас Японию, спасшуюся чудом, благодаря вмешательству божественного ветра „камикадзе“. И именно мы, вьетнамцы, стали единственными, кто нанес военное поражение их ужасной орде, причем неоднократно, трижды. Хитрость, решительность, сплоченность. Иначе каждый будет думать только о себе, и мы навсегда останемся в рабстве». Подобные размышления неминуемо приводили Хошимина к моральной поддержке сталинских процессов тридцать седьмого года и директив о политическом искоренении троцкизма. По доходившим из далекой Кошиншины сведениям, троцкисты и анархисты продолжали свою отчаянную, безумную и дерзкую борьбу в подполье Сайгона. Но эти элементы следовало выкорчевать, как это делал товарищ Сталин. «Когда-нибудь народы поймут эту оправданную жестокость. Без этой кристально-чистой, алмазотвердой, совершенной воли, без этого безжалостного отсеечения сомневающихся и попутчиков мы никогда не сможем стать сильнее, чем наш чудовищный враг, мы никогда не выстроим партию как единый, целостный, могучий организм. Партия – это организм, состоящий из множества взаимосвязанных между собой клеток, причем связанных нерасторжимо, пусть даже связью на данном этапе может быть только тотальный террор. Террор – это лишь инструмент власти, а власть – это инструмент революции. *Моей* революции, такой, какой ее вижу я, народный вождь. В том, что я народный вождь, не сомневаюсь ни я сам, ни мои последователи, ни Москва. Народ пока еще не знает об этом, и поэтому мне так сильно нужна власть. Без власти все эти теории, весь этот гуманизм, коммунизм, марксизм – ничто, пища для досужих игр интеллектуалов».

Не мог Хошимин согласиться и с основателем итальянской компартии Амадео Бордигой, с которым встречался на V конгрессе Коминтерна. Бордига проводил знак равенства между фашизмом и демократией и поэтому отвергал тактику создания рабочих правительств, народных фронтов и вообще любой политической, парламентской деятельности. Он выступал за мировую революцию рабочего класса во главе с мировой же коммунистической партией, в которую должен трансформироваться Коминтерн. Хошимин в этом вопросе опять же отдавал предпочтение линии Зиновьева – Сталина. Он уже решил для себя, что будет пользоваться любыми альянсами – с демократами, националистами, голлистами, китайцами, американцами, хоть с самим чертом, но он непременно добьется обретения национального суверенитета, а затем и конституционной и международной легитимации своей личной власти. Подход товарища Бордиги к освобождению пролетариата при всей своей искренности требовал тысяч лет ожидания, а таким количеством времени Хошимин не располагал. Он внесет свой вклад в построение социализма тем, что возьмет власть в свои руки, как бы она ни называлась – диктатурой пролетариата или демократической республикой.

У входа в землянку что-то зашуршало, затем внутрь просунулась голова товарища Фам ван Донга. Он усиленно щурил глаза, пытаясь отыскать во тьме силуэт своего вождя. Быстро привыкнув к темноте, он разглядел Хошимина и пробрался в землянку. Фам ван Донг не мог скрыть своей радости:

³¹ «Желтые повязки» – повстанческое народное движение даосов в Китае (184–204), свергнувшее династию Хань.

³² Тэйшоны – повстанческое народное движение во Вьетнаме (1770–1782) против феодальных кланов Чинь и Нгуен.

– Гоминьдан согласен признать нашу организацию, Вьетминь, в качестве лидера Сопротивления и революции, если мы вступим во Вьетнамскую революционную лигу, где нам отводится большинство руководящих постов. Китайские генералы ссылаются на завет Сунь Ятсена о долге помогать угнетенным народам и готовы оказывать материальную и военную поддержку на определенных условиях. Эти условия оговорены в проекте резолюции, которую вам, дорогой товарищ Хо, предлагается подписать и издать для всенародного движения от своего имени.

Фам бережно вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо листок и, склонив голову в почтительном поклоне, двумя руками протянул его Хошимину. Тот, чиркнув спичкой, зажег керосиновую лампу и начал внимательно вчитываться в строчки, специально для него составленные на вьетнамской латинице:

«Возможно, китайским войскам придется перейти границы нашей страны в целях ведения боевых действий против Японии; наша тактика заключается во временном альянсе с китайскими войсками, направленном против Японии и Франции и основанном на принципе взаимопомощи между равными».

11

– Мишель, держи расчет! – Это сосед Ви тяжело поднялся с кушетки.

Когда я подскочил к нему, он всучил мне смятую банкноту и тяжело заковылял к выходу. Двадцать пять лет, молодой еще парень, а уже пристрастился к курению опиума. На пороге он, словно вспомнив о чем-то, обернулся и швырнул мне монетку на чай. Но как только дверь затворилась, снаружи взревел мощный мотор. Я быстро выбежал на улицу, как раз чтобы успеть увидеть, как Ви, нависнув левым коленом над землей, на всей скорости совершает лихой поворот налево с улицы Массиж в сторону рынка Бен Тхань на своей «Яве». Мотоцикл у него просто дивный, доставленный прямым из Чехословакии, и чего бы я только не отдал, чтобы прокатиться на таком! Когда Ви начал гонять под нашими окнами, даже дядя Нам пробудился на пару минут от своей спячки и выбрался на балкон, чтобы поглазеть на «Яву». Одурманенный парами опиума молодой сосед просто преобразался на мотоцикле. Он становился настоящим лихачом. Дядя Нам тогда выписал себе из Франции «Пежо-402», да еще и нанял шофера, чтобы не ударить лицом в грязь перед соседями. Теперь, чтобы хоть как-то использовать свой автомобиль, дядя Нам стал выезжать вместе со своей компаньонкой тетей Фын по вечерам на рю Катина – пропустить аперитив-другой.

Как-то раз мы с Софи и Рене отправились с ними. Мы сидели за столиком на открытой террасе у Оперного театра. Несмотря на оживленную атмосферу, щебет коковок, остроты денди и целый парад европейских мод, дядя с подругой целый час клевали носами перед своими полными стаканами с пастисом, вяло здороваясь со знакомыми, чуть ли не засыпая на ходу и постоянно почесываясь. Казалось, что их нещадно терзал какой-то сильный вид крапивницы. Потом они просто упали со стульев. То есть сначала соскользнула на землю тетя Фын, и дядя Нам ее поднял, усадил на плетеное кресло, а через некоторое время он сам начал потихоньку крениться вбок и вскоре рухнул на пол прямо с зажженной сигаретой во рту. Фын хихикнула и вновь погрузилась в изучение своего мутного, клубящегося аперитива. Мы с Софи бросились поднимать дядю. Рене побежал за шофером. Вот так и прогулялись. Хорошо хоть, успели доесть наше мороженое. Зато в гараж под домом мы вернулись с помпой, шофер поминутно нажимал на клаксон, и все жильцы соседних домов так и повысыпали на балконы.

Но все же соседская «Ява» казалась мне круче, чем наш «Пежо». Тогда я только и мечтал о том, что, когда вырасту и в Сайгоне наступит мир, я сменю свой велосипед на «Яву» и буду гонять по ровным проспектам родного города, с их срезанными углами и красивы ми видами, по разбегающимся в разные стороны от них улочкам без трупов и воронок от бомбоударов. Я вернулся в курильню и стал усердно начищать трубку, которой пользовался Ви. Это было одной

из моих обязанностей. Соскоблив весь нагар, я вынес его и отдал бро дяде, скрючившемуся на тротуаре, – он дождался этого еще с ночи. Эти бедолаги, нищие наркоманы, подсевшие на зелье, не будучи в состоянии финансировать такой дорогой порок, частенько проводили так целые сутки. Распластавшись напротив курилен опиума, они выпрашивали «вторяк», то есть нагар с опиумных трубок.

Когда я вернулся в салон, место Ви уже было занято новым завсегдатаем, французом. Я подошел, чтобы принять заказ. Не замечая меня, он не отрываясь глядел на дамочку, развалившуюся на подушках вместе со своим мужем на кушетке прямо напротив него. Перехватив ее взгляд, он расстегнул ширинку, вытащил член и потряс им перед ней. Женщина в кокетливой шляпке, отбросив вуаль, обернулась к мужу и, удостоверившись, что тот мирно дрыхнет, одурманенный несколькими затяжками опиума, медленно, с вызовом отвечая на взгляд эксгибициониста, подняла вверх свои ноги, задрал юбку. Трусов на ней не было. Они широко и похотливо оскалились друг на друга. Внезапно дверь распахнулась и через порог переступила неприятная компания – бритый наголо японский офицер с самурайским мечом на поясе в сопровождении двух пехотинцев с винтовками, под дулами которых были насажены до блеска вычищенные, свежезаточенные штыки. Офицер медленно обвел каждого из присутствующих не выражающим абсолютно никаких эмоций взглядом. У меня было такое впечатление, что он вот-вот стремительным движением выхватит свой меч и начнет срубать головы французских наркоманов, как капусту с грядки. Но он ничего не сделал. На его узких губах заиграла пренебрежительная усмешка. Он медленно развернулся и, кивнув солдатам, вышел на улицу. Троица растворилась так же внезапно, как и появилась.

Я посмотрел на нового клиента – он побледнел, его лоб покрылся испариной. Впрочем, из всех присутствовавших страх испытали только мы с ним. Остальные посетители, уже получив по своей дозе опиума, наблюдали за всей этой сценкой глазами не менее бесстрастными, чем у японского офицера. Полулежа на кушетках, посасывая трубки, они бессмысленно рассматривали японцев, пока те не ушли. Казалось, им было бы абсолютно безразлично, если бы их тут же начали убивать. Когда же японцы наконец скрылись, курильщики продолжили тупо таращиться на закрывшиеся двери. Я приготовил французу трубку, отошел за прилавком и включил радио. Новости, как всегда, начинались с фронтовых сводок. Немцы потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом. После блока новостей из радиоприемника полился залихватский фокстрот. Новый посетитель вскочил со скамейки, подмигнул мне и начал быстро и ловко двигаться под музыку. Я тоже начал двигаться за прилавком, стараясь в точности повторять его движения. Мы засмеялись. Остальные отвлеклись от созерцания входных дверей и теперь вопросительно пялились на нас.

12

Нехожеными тропами пробирался товарищ Хошимин в Гуанси³³. Две недели он шел пешком, питаясь дикими плодами манго, авокадо и водой из лесных родников. Он старательно прятался от гоминьдановских патрулей, но в городе Тук Винь его все-таки арестовали. Зорко следивший за ним генерал Чжан Фагуй³⁴ разгадал его замысел – встретиться с Мао Цзэдуном или даже с самим генералиссимусом Чан Кайши³⁵ напрямую, перепрыгнув через его, Фагуя, голову.

Хошимин в тот период все больше вдохновлялся идеями Мао о насильственном захвате власти через революционную войну крестьянства. Все-таки говорить о диктатуре пролетариата

³³ *Гуанси* – автономный район на юге Китая.

³⁴ *Чжан Фагуй* – китайский генерал.

³⁵ *Чан Кайши* – маршал, генералиссимус, президент Китайской Республики, глава партии Гоминьдан.

в Индокитае было рановато, а значит, с точки зрения борьбы за власть, бесполезно. Почему бы не воспользоваться идеями о совместной диктатуре нескольких общественных классов? Установить такую форму правления можно было, лишь подтолкнув в пекло вооруженной борьбы массы самого многочисленного класса, крестьянства, а в данных условиях – через партизанскую войну. Генерал Фагуй не мог знать о том, что в верхних регионах Тонкина неким Зиапом Нгуеном³⁶ были уже сформированы повстанческие партизанские ячейки Вьетминя.

Еще в сороковом Фам ван Донг³⁷ и Зиап Нгуен, два опытных революционера, закаленных подпольем, первыми отправились на партизанские базы Юннани для прохождения боевой и политической подготовки. На пути их почти настигли специальные агенты Сюртэ, но подпольщики спрыгнули с поезда на полном ходу и, переплыв через Красную реку, добрались до места назначения невредимыми. Здесь они встретили Хошимина, только что притопавшего пешком из Алма-Аты. Узнав о взятии Парижа немцами, он приказал им немедленно возвращаться в Тонкин и, не проходя ни политической, ни боевой подготовки у китайцев, самим создать партизанскую базу для истинных патриотов в приграничных районах Вьетбака, наладить там агитационно-пропагандистскую работу и запустить в работу учебно-тренировочный центр. На базе первоначально собралось ядро приблизительно из тридцати человек. Это были самые настоящие оборванцы, обутые в сланцы, сделанные из автомобильных покрышек. Но Зиап видел в них основную мышцу – сердце своего будущего войска – и принялся эту мышцу упорно тренировать. По утрам они совершали пробежки на вершину холма, где оттачивали навыки боевых искусств вьет-водао. Сначала, после короткой разминки, они занимались дыхательными упражнениями вроде «Круговорота энергии», потом переходили к силовым кюйенам. Напоследок они устраивали вольные спарринги между собой и медитировали, а по вечерам, приведя тело и дух в нужное состояние, достигнув баланса сил жара и холода в сердце, выходили на дело.

Зиап лично взялся за стрелковые дисциплины, отобрав нескольких самых решительных и по-боевому настроенных товарищей, которые пришли к нему с оружием. Они вооружились во время первого японского вторжения, когда вишистские солдаты бежали, в панике побросав там и сям довольно большое количество винтовок и пистолетов. Поскольку на повестке дня стояло в первую очередь революционное самовооружение, боевая группа Зиапа сразу занялась борьбой на два фронта, организовав регулярные налеты как на французские, так и на японские дозоры с целью пополнения боевого арсенала и ликвидации врагов. Вдобавок они развернули кампанию финансовых экспроприаций, сконцентрировав ее на банках, сберкассах и почтовых отделениях приграничных городков и населенных пунктов. Но это была лишь прелюдия к настоящей герилье. Прекрасные густые леса и зеленые крутые отроги известняковых массивов Вьетбака³⁸ были словно созданы для упорной и продолжительной борьбы против захватчиков.

Генерал Фагуй понял, что просчитался в своих попытках создать вьетнамский аналог Гоминьдана без участия коммунистов из Вьетминя, объединив и смешав в Революционной лиге все оппозиционные элементы, жаждавшие поучаствовать в переделе будущей власти, от крайне правых до умеренных либералов. Так, например, он настойчиво рекомендовал включить в предполагаемое Временное правительство Тама Нгуена, лидера вьетнамских национал-социалистов, открыто опекаемых японской военщиной в Тонкине. Кроме того, он лоббировал кандидатуру другого националиста Хай Тхана в президенты Исполнительного комитета и даже назначил ему ежемесячные ассигнования в размере ста тысяч юаней на организацию шпионажа и подрывной деятельности против японцев в Ханое и Хайфоне. Тем не менее ни одна из входивших в Лигу организаций не могла ни предоставить достоверных сведений, ни

³⁶ *Во Нгуен Зиап* – вьетнамский генерал, победитель пяти войн, «архитектор победы» над США, по словам Хошимина.

³⁷ *Фам ван Донг* – вьетнамский революционер, премьер-министр Вьетнама в 1955–1987 годах.

³⁸ *Вьетбак* – горно-лесистая местность на севере Вьетнама.

по хвастаться успешными операциями против японцев, кроме все тех же ненавистных Фагую коммунистов из Вьетминя.

Так что Фагую пришлось пойти на послабления тюремного режима для Хошимина, сначала разрешив ему свободно выходить на связь со своими товарищами, находившимися на свободе, потом временно освобождая его для участия в мероприятиях Лиги. Следуя неумолимой логике войны, в августе сорок четвертого, когда уже был освобожден Париж, он пригласил Хошимина к себе в штаб, чтобы дать ему полную свободу и договориться об условиях дальнейших совместных действий.

Генерал Фагуй внутренне смирился с тем, что Хошимин будет держаться нагло и самоуверенно, и был даже слегка удивлен его манерами. Хошимин разговаривал спокойно, ничем не показывая каких-либо обид.

– Надеюсь, вы не станете возражать против вхождения наших войск на территорию Индокитая в случае необходимости? – сразу поинтересовался генерал. – Концепция военной помощи подразумевает это.

Хошимин отрицательно покачал головой:

– Нет, не стану. Принципы военной помощи между равными действительно не противостоят этому. У нас общие враги.

– Каковы ваши ближайшие планы, если мы немедленно выпустим вас на свободу? – Фагуй пытливо посмотрел на коммуниста. Тот лишь слегка сощурился и едва заметно погладил свою бородку:

– Я берусь организовать как минимум две партизанские базы на той стороне границы.

Фагуй нервно побарабанил пальцами по столу – первым о помощи должен был попросить вьетнамец. Ладно, черт с ним.

– Что для этого вам потребуется от нас?

Хошимин ждал этого вопроса.

– Мне нужно до тысячи винтовок и хотя бы пятьдесят тысяч пиастров на первые два месяца.

– Я дам вам двадцать пять тысяч.

– Согласен.

Фагуй довольно потер руки. Парень оказался сговорчивее, чем он думал.

– Насчет оружия – без проблем.

– Отлично. Кроме того, мне нужен заверенный лично вами, генерал, перманентный пропуск и мандат о том, что я уполномочен Революционной лигой осуществлять в Индокитае все действия, которые сочту необходимыми.

Генерал слегка побледнел: Хошимин застал его врасплох.

– На это я пойти не могу, – недовольно протянул он.

– Генерал, я, как и мои товарищи, хорошо осознаю, что мы не сможем ввести социалистический режим сразу после освобождения. Мы стремимся к установлению антифашистской народной демократии. Даю вам слово.

В такие исторические моменты особо одаренные политики и революционеры запросто торгуют социально-экономической формацией, как неким особо ценным бизнес-активом или инвестиционной гарантией. И неважно, каковы их идейные пристрастия. Если такой революционер – не оторванный от жизни, неисправимый идеалист, то обязательно будет торговаться всем: названием, геополитической ориентацией, будущим строем своей страны. Только так одаренный революционер может прийти к истинному успеху. А истинный успех любого политика – это власть. Голос Хошимина звучал в этот момент еще тверже, чем в начале разговора. Немного подумав, Фагуй решил согласиться. Все равно решаться это будет не на их уровне, пусть тешит себя иллюзиями, если угодно.

– Мы все равно должны будем защищать вашу демократию. Когда вы готовы отбыть в Тонкин?

– В течение месяца. Я сам должен буду отобрать товарищей из Вьетминя, которые будут меня сопровождать.

Фагуй кивнул.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Хорошо бы мне еще личное оружие для самообороны.

– Револьвер получите перед отбытием. В течение месяца – остальное.

Товарищ Хошимин резко поднялся. Идейные враги скрепили свой уговор крепким рукопожатием, твердо глядя друг другу прямо в глаза.

13

Всю свою долгую жизнь Зиап не забывал того стремительного прыжка с поезда на полном ходу. Удушающие руки охранки Сюртэ почти сомкнулись на горле революции, когда он пинком вышиб дверь тамбура и ему в лицо дохнуло прохладной пустотой. Он шагнул в эту темную бездну без оглядки, и, только когда тренированное тело, верно сгруппировавшись, катилось по откосу, он понял, что удача дала ему уникальный шанс спасти дело революции. «Кто если не я, если не каждый из нас?» – часто думал он. Так же решительно за Зиапом прыгнул Фам ван Донг, и это его спасло. Уже потом был стремительный бег через хлещущие по лицу колючие кусты и прыжок в холодные воды Красной реки. Зиап не мог знать, что его жена, его нежная Минь Тай, едва успеет спрятать у родителей дочь, их маленькую Королеву Красных Цветов, перед тем как за ней самой придут жестокие, обозленные жандармы.

Зиап и его люди прятались в пещерах под шумными потоками водопадов, выныривая лишь в ночи, чтобы выйти в очередной рейд за оружием, провиантом и деньгами. «Кормиться в период войны надо за счет врага», – гласил канон, которому Зиап неуклонно следовал с самого начала своего воинского пути.

Когда ему передали весточку о жене, она была уже мертва, а ее изувеченное пытками тело впервые за годы мучений в застенках обрело вечный покой. Узнав о ее гибели, он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, и поначалу ему даже показалось, что это сломает его навсегда. Но уже на следующий день он понял, что именно на это и рассчитывали его враги, и с кристальной ясностью ощутил, как укрепляется его решимость мстить угнетателям своего народа.

Ненависть к французскому капитализму жила в нем давно, как бы на уровне кровной мести. Ведь сначала они пришли за его отцом, давшим ему жизнь и достойное образование. Его скрутили на глазах у детей и замучили насмерть в местном отделении жандармерии. Зиап навсегда запомнил формулировку «за подрывную деятельность». Он не знал, что это значит, но уже тогда понял, чем займется, когда вырастет, – подрывной деятельностью.

Со своей женой, со своей сладкой Минь Тай, он познакомился в девятнадцать лет, когда отмотал свой первый срок за подрывную деятельность. И вот теперь ее нет, а он медитирует, привалившись спиной к отвесной скале, скрытый в глубине пещеры от посторонних глаз бурным каскадом ледяной горной воды. Мысли его плавно текли под шум водопада:

– Мой враг намного сильнее меня. Я не могу позволить себе роскошь наброситься на него с голыми руками и дать ему растерзать себя. Во имя моего отца, во имя незабвенной Минь Тай, во имя Королевы Красных Цветов я должен идти к победе и торжеству справедливости. Небо и земля стонут, когда гармония нарушена несправедливостью злого человека, тирана и самодура. Мне помогут Доктрина, Чувство Времени и Знание Пространства, Справедливость и Дисциплина. С Доктриной я впервые повстречался еще в лицее, когда она открылась передо мной в виде агитационного листка, подписанного дядюшкой Хо. Благодаря товарищу Хоши-

мину у нас есть Доктрина, способная поднять весь народ от мала до велика и сплотить его в титанической борьбе. Но пока... Пока я должен предельно четко осознать силу и слабость этих людей, которые пришли сюда со мной и готовы погибнуть в борьбе. У Кузнеца сильные руки, кулаки как кувалды, но он неповоротлив и добродушен. У Хайфонца посредственные физические данные, но высокие моральные качества, чувство достоинства и ответственности за своих товарищей. Такой не отступит в драке, он способен противостоять и пяти Кузнецам. Шланг хитер и ловок, воровская сноровка позволит ему обходить врага в самых неожиданных местах, появляться, где его никто не ждет, и заставить врасплох. Каждый раз, когда мы нападали на посты гвардии Виши, на полицейские участки и на банки, враг нес потери, из моих же не пострадал никто, кроме меня. Я заработал пулю в ногу, но и уверенность в своем полководческом призвании, в своем воинском пути. Теперь пора перейти к изучению врага. Главное наше преимущество – неожиданность. Японские фашисты не считаются с нами, они манипулируют доверчивыми французами и делают ставку на местных из правых марионеток. Им и в голову не придет догадаться о нашем альянсе с американцами.

Зиап окинул взглядом солидный арсенал, складированный у стены. Новенькие, пахнущие заводской краской пулеметы с маркировкой лучших оружейных заводов США, гранатометы с аккуратно разложенными по ящичкам гранатами, внушающие благоговейный трепет ранцевые фугасные огнеметы. Он едва заметно усмехнулся:

– Фашисты думают, что если мы нападём на них, то с набором кухонных ножей, вилами и цепями для молотьбы риса, и тогда они преподадут нам урок кендо. Об этом хорошо знает и прагматичный американец Архимед, доставивший ценный груз. Он ведь не пошел к правым, а значит, в этом заключается его трезвый расчет. Он даже намекнул, что представляет только «Оленей», команду разведчиков и контрабандистов оружия, работающих на правительство, но если наши операции будут успешными, за «Оленями» придут «Летучие Тигры»³⁹, которые окажут нам поддержку с воздуха. «Когда он обороняется, он прячется в глубины ада, когда он атакует, он нападает с высоты небес», – Зиап с шумом втянул в ноздри пещерную сырость и глубоко выдохнул. – Потом Архимед, не теряя времени, провел грамотный технический инструктаж и практические занятия, позволившие мне лучше распределить оружие и даже наметить стратегическую диспозицию для каждого из моих бойцов.

Зиап вытащил из-за пазухи тончайший листок рисовой бумаги, на котором нетвердая рука мальчишки из племени нунг грифелем вывела план дислокации ближайшего гарнизона армии Ямато. Он углубился в изучение рисунка.

14

Рассвет тускло бледнел среди мангровых зарослей, когда Зиап выстроил «Бригаду вооруженной пропаганды» на зеленом плато над водопадом.

– Товарищи, – сказал он. – Сегодня великий день. Мы объявляем войну оккупантам из милитаристской Японии. От имени борющихся народов всей земли, от имени всего прогрессивного человечества мы будем бить и гнать прочь фашистскую гадину, как из армии маршала Петэна, так и из армии императора Ямато, до тех пор пока не очистим от этой скверны нашу родину. Мы будем мстить за слезы матерей и кровь невинных жертв без пощады и без страха. Вперед, товарищи, к победе коммунизма!

Босые партизаны молча вскинули сжатые кулаки. Потом гуськом они углубились в густые джунгли, следуя по невидимым постороннему глазу тропкам за мальчишкой из местного племени нунг.

³⁹ «Летающие тигры» – подразделение американских добровольцев в составе военно-воздушных сил Китая во время Второй мировой войны.

Прибыв на место, каждый начал занимать те позиции, которые ему заранее указал на карте товарищ Зиап. Партизаны постепенно и планомерно окружили японскую базу, окопались и застыли в полной боевой готовности.

В это время Шланг уже змеей скользил в сторону деревушки. Метрах в двадцати за ним полз Стриж с тяжелым гранатометом на спине. Хайфонец с Кузнецом построили редут из валунов. Дуло их пулемета смотрело в сторону базы прямо над бритой головой Стрижа, едва видневшейся в высоких травах.

Шлангу не составило труда быстро вычислить, за каким из окон находятся командующие базой офицеры. Подкравшись под это окно, он довольно долго прислушивался к доносившемуся из открытой форточки равномерному чавканью и постукиванию палочек о дно чашек. Офицеры в гробовом молчании доедали свой ужин, когда за окном наконец мелькнула долговязая тень и в форточку влетела граната. Лейтенант Негири мгновенно бросился на гранату животом, чтобы спасти соратников, а капитан Такаси после взрыва молниеносно подбежал к окну и успел сделать выстрел вслед стремительно скользившему прочь Шлангу. Вспышка от выстрела ярко очертила траекторию улетевающей в заросли пули, и Стриж, прицелившись, уверенно нажал на спусковой курок. После двух взрывов из всех окон началась беспорядочная пальба по трепетавшим от летнего ветерка листочкам окружавших деревню мангровых зарослей. Она продолжалась до тех пор, пока выстрелы не были прерваны отрывистыми, гавкающими командами. Видимо, определился старший, и вот уже японские солдаты, кто в зеленой униформе, кто в домашних тапочках и белых халатах, перепоясанных у некоторых мечами в ножнах, выбегали и спешно выстраивались на плацу. Только собрав всех до единого, временный командующий гарнизоном отдал команду к бою.

– Стреляй, – прошептал Кузнец, но Хайфонец лишь отрицательно покачал головой. Кузнец напряженно следил, как ползут в сторону леса Шланг со Стрижом. Они двигались очень ровно, как на учениях, Шланг впереди, Стриж в двадцати метрах сзади, даже выползая на открытые проплешины среди зарослей, они продолжали свои отработанные на учениях движения, помогая руками и ногами своему телу скользить, не поднимая головы или корпуса и не допуская резких движений.

Ощетинившись штыками и мечами, отряд противника перешел в атаку.

– Стреляй же! – взмолился Кузнец, но Хайфонец оставался непреклонен. Кузнец выхватил из кобуры свой пистолет и щелкнул затвором, но Хайфонец положил ему руку на плечо и одним этим жестом остановил и успокоил его. Когда Шланг прополз мимо них, Стриж развернулся, присел на колено и снова уверенно нажал на курок. Снаряд врезался в наступавшую массу, и, пока Стриж падал на землю, чтобы ползти дальше, Хайфонец открыл прицельную стрельбу по врагу. Теперь со стороны японцев раздался залп, другой, третий. Били по позиции Хайфонца. Когда ответа не последовало, раздалась новая отрывистая команда к наступлению. Хайфонец с Кузнецом тем временем уже отползали среди зарослей в двадцати метрах от Стрижа, вслед за ним. Достигнув позиций на окраине леса, они развернули пулемет, установив его в одном из просветов. Японские солдаты перешли на бег. Они уже почти достигли пределов терпения Кузнеца, как вдруг со всех сторон из мангровых зарослей застрекотали пулеметы, а на авангард японцев хлынул всепожирающий фугасный огонь.

15

Хошимин сдержал слово. Уже двадцатого сентября, получив из рук генерала Фагуя семьдесят шесть тысяч юаней и именной револьвер, он немедленно отправился в сторону границы в сопровождении восемнадцати отборных товарищей, включая Фам ван Донга, в сторону баз Зиапа Нгуена.

В октябре по всему Тонкину было распространено его «Обращение к соотечественникам», в котором, к полному удовлетворению Чжана Фагуя, в частности, выражалась уверенность в братской «помощи Китая нашей национально-освободительной борьбе». При этом Хошимин вовсе не отказался от идеи обойти Фагуя и переиграть Гоминьдан. Он не одумался, как могло показаться Фагую, за те два года, что провел в чанкайшистских застенках. В тюрьме он слышал по радио обращение де Голля. Голос вождя Французского Сопротивления, то и дело прерываемый помехами, долго и пространно вещал с далеких североафриканских берегов о будущем свободной Франции, о создании нового франкофонного сообщества на федеративной основе, о придании нового статуса индокитайским народам. Хошимин захотел узнать побольше о том, что именно мог иметь в виду де Голль. У него зародились новые идеи. Он никогда не забывал о цели всей своей жизни – контроле над национальным суверенитетом. И неважно, от кого придет эта власть – дадут ее ему Париж, Москва, Вашингтон или он сможет захватить ее сам.

Как только Фагуй пошел на послабления тюремного режима, разрешив ему беспрепятственное сообщение с волей, он немедленно направил двух связных Вьетминя в столицу Юннани, город Куньмин, на встречу с консулом свободной Франции Руайером. Там те от его лица предложили голлистам создать совместный антифашистский фронт и немедленно начать вооруженную борьбу. Ответ де Голля пришел лишь три месяца спустя – он был согласен на сотрудничество с коммунистами, но в обмен обещал предоставить Индокитаю лишь определенную автономию в рамках новой Французской Федерации, которая «объединит все французские земли». На самом деле эта формулировка принадлежала Франклину Делано Рузвельту. Президенту США от Демократической партии был неприятен термин «империя», столь дорогой сердцу де Голля, и он недвусмысленно запретил ему любое его использование в политической документации.

Хошимин не знал об этом, но ему было бы все равно. Последовательный приверженец древнекитайской материалистической философии, он был убежден, что от смены названий вещи не изменяются. Отдельное явление могло получить сразу несколько новых имен, но при этом суть его оставалась бы прежней. А здесь речь шла о таком щепетильном явлении, как власть над людьми. В тот раз он промолчал. Уже перейдя границу, он узнал о формировании де Голлем Временного правительства Французской республики в Париже. Одним из первых решений генерала в качестве главы Временного правительства была организация Экспедиционного корпуса для отправки в Индокитай. Причем товарищи Хошимина из ФКП горячо поддержали это решение. По сведениям, доходившим из Москвы, СССР был готов признать правительство де Голля. Проявляя чудеса дипломатии, последний как мог лавировал между Рузвельтом, уже не принимавшим его в расчет, и Сталиным, которого он сам считал кровавым большевистским тираном. Несмотря на это, добившись приема у Сталина, генерал не только смог заключить альянс с альтернативной сверхдержавой, но и сумел выпросить у генералиссимуса статус одной из стран-победительниц для Франции, что, на его взгляд, возвращало ей величие по умолчанию. Хошимин задумался: какую-никакую сделку в принципе можно было бы заключить, но по условиям стоило еще поторговаться. И вопрос упирался лишь в сроки.

– Пока можете сказать их представителям, что мы согласны терпеть временную власть генерал-губернатора Индокитайской Федерации на срок от пяти до десяти лет ради последующей передачи полноты власти, то есть я хочу сказать – национального суверенитета – в наши руки. На самом же деле, когда Германия потерпит окончательное поражение, Япония уже не выдержит общего натиска союзников. Тогда здесь не останется ни японцев, ни французов, а наши партийные ячейки будут повсюду. Американцы хотят только торговать. Нам останется лишь объявить нашу власть, – медленно сказал он связному, доставившему сведения из Франции.

– Дядя Хо, вишисты сбили американского летчика над джунглями. Наши его отыскиали и выходили, – сообщил другой связной.

– Из «Летучих тигров»?

– Так точно. Бомбил Трансиндокитайскую.

– Приглядывайте за ним. Мы переправим его в Юннань в полной безопасности. У меня есть идея.

На следующее утро, вооружившись револьвером и перманентным мандатом от Фагуя, Хошимин пустился в путь. Нехожеными тропами, известными лишь местным партизанам, он вновь благополучно добрался до Юннани. На этот раз гомиьндановцы не смогли помешать ему встретиться с генералом Шеннолтом из ОСС-ЦРУ и провести с ним сепаратные переговоры. Как он и ожидал, американские союзники по антифашистской коалиции были впечатлены наглядным доказательством присутствия партизан Вьетминя как реальной силы в регионе, с которой следовало считаться. Спасенный американский летчик стоил многого. Шеннолт лично преподнес известному представителю Коминтерна шесть пистолетов, двадцать тысяч патронов и толстую пачку зеленых банкнот. Хошимин мягким жестом отодвинул доллары в сторону генерала. Чем-чем, а своим фирменным стоицизмом революционер умел козырнуть в подходящий момент.

– Ваши деньги нам не нужны. Но мы были бы признательны за скорейшую военную поддержку США, – тихо сказал он американцу.

– Вы можете на нее рассчитывать, – пообещал Шеннолт. Это был высокий, сухощавый человек, одетый в летнюю кожаную куртку «бомбер» с гомиьндановской нашивкой на рукаве – белым солнцем на синем фоне. Американское правительство на той стадии не желало, чтобы ему приписывали военное вмешательство в дела азиатских государств. Формально эскадрилья «Летающие тигры» была набрана из американских добровольцев, якобы сочувствующих идеям Чан-Кайши. Как бы там ни было, вскоре после этого разговора на базы Вьетминя начали регулярно поступать хорошо упакованные ящики с «кольтами-45», пистолетами-пулеметами Томпсона и портативными рациями американского производства. Разумеется, собеседники тогда не могли догадываться, каких масштабов достигнет военное вмешательство США в дела Вьетнама всего два десятка лет спустя.

16

В июле сорок четвертого, проведя скрупулезную рекогносцировку местности в трех приграничных областях Северного Вьетнама, Зиап посчитал, что его отряды самообороны готовы к полноценному восстанию. Он собрал большинство лидеров движения на базе, где уведомил их о предстоящем начале полномасштабной антифашистской войны на два фронта. Хошимин успел отменить это решение запиской, отправленной с курьером, добравшимся до базы до начала предполагавшихся боевых действий. Тем не менее Зиап все же объявил в этих трех провинциях партизанскую «зону безопасности», открытую для всех коммунистов и антифашистов страны. Начался приток людей, на который рассчитывал Зиап. После первых операций он уже не сомневался в идейной стойкости и качестве человеческого материала, находившегося в его руках. Теперь ему позарез нужны были *массы* – настало время противопоставить врагу помимо качества еще и количество.

В ноябре партизаны дядюшки Хо напали сразу на несколько аванпостов вишистской гвардии, завладев их арсеналами огнестрельного оружия, снаряжения и взрывчатых веществ. Реакция адмирала Деку была молниеносной. В регионе начались массовые расстрелы местного населения, заподозренного в пособничестве коммунистам. Вооруженные отряды колонистов прочесывали местность, намеренно и целенаправленно уничтожая зерновые запасы местных крестьян, сжигая целые деревни, убивая мирных жителей.

– Только за последние две недели чрезвычайными судами Верхнего Тонкина к смертной казни было приговорено свыше трехсот человек, мой адмирал, – докладывал Жак Коллу.

– Прекрасно! Так держать! Мы сотрем коммунистическую заразу с лица этой земли! – орал Деку, стуча обоими кулаками по столу и яростно пытая своей неизменной «житаной», прилипшей к нижней губе.

– Тем не менее, мой адмирал, – Жак смущенно кашлянул, – эти показатели никак не отразились на масштабе партизанских действий красных и статистике нападений на оружейные склады.

– Готовьте приказ от моего имени генералам Сабатье и Алессандри: я назначаю проведение новой карательной экспедиции на двенадцатое марта! – выкрикнул адмирал вне себя от гнева. Он просто взбеленился. – Франция потерпела поражение везде где только можно, но только не здесь. Здесь Франция не сдается! Здесь Франция не проиграет! Мы ее последний оплот, и мы ее отстоим.

О да, он отомстит красным за все – и за горечь поражения национальной революции, и за бегство маршала Петэна в Зигмаринген, и за расовое унижение от японцев. Жак Коллу поклонился и вышел.

Девятого марта, после ночи взрывов, бомбардировок и зенитного огня, в курильне «У Нама» было необыкновенно пусто. Я вывел наружу свой верный велосипед и быстро покатил по рю де ла Помм. На городских улицах царило странное затишье, лишь издали слышался возбужденный гул толпы, изредка прерываемый отрывистыми выкриками команд на японском, так сильно похожими на собачий лай. Когда я выехал на бульвар Шарне, моим глазам предстало странное зрелище. По обеим сторонам тротуара столпилось невероятное количество зевак. Движение было перекрыто, и вдоль всего бульвара в сторону парка Мориса Лонга японские солдаты прикладами и штыками гнали целые толпы французов и других европейцев. В самом парке японская пехота выстроилась в каре, оцетинившись рядами поблескивавших на солнце тщательно отточенных штыков.

В центре каре находилось несколько огромных клеток для крупных зверей из зоопарка. Вот в эти-то клетки японцы и сгоняли белых колонистов, попеременно потчuya их точечными, явно болезненными ударами прикладов и бамбуковых дубин. Там же взад-вперед неспешно прохаживался офицер с катаной на поясе. Я его узнал – это он заходил к нам в курильню с патрулем. Кто-то из французов начал вопить из клетки: «Проклятые япошки, да что вы себе позволяете! Что вы о себе возомнили, сукины вы дети?!» Офицер остановился и знаком приказал солдатам вывести француза. Беднягу мигом выволокли из клетки, подтащили к офицеру и натренированным ударом прикладов сзади по ногам поставили на колени перед офицером. У меня было такое ощущение, что я и мигнуть не успел, как японец, выхватив меч, молниеносно, одним стремительным движением правой руки, отсек лысую голову бессвязно бормотавшего проклятия француза и пнул ее своим начищенным до блеска хромовым сапогом, так сильно, что она остановилась, лишь докатившись до клетки и уставившись своими удивленными, недоумевающими глазами на пленных. Толпа зевак вокруг ахнула, а в клетках все как-то разом смолкли, так что над парком нависла гробовая тишина, в которой, казалось, было слышно мух, сразу же зажужжавших над телом казненного. А офицер, вытерев меч о гимнастерку одного из солдат и вложив его в ножны, продолжил неспешно прохаживаться взад-вперед. Позже я узнал его имя. Это был капитан Ичигава, который в тот же день возглавил Сюртэ Кошиншины и перебрался в желтое здание с наглухо закрытыми ставнями на Катина.

В ту же минуту посол Мацумото в сопровождении конвоя стремительно распахнул входные двери и, не обращая никакого внимания на вытянувшегося перед ним в струнку адъютанта Жака Коллу, вошел в кабинет генерал-губернатора, положил перед набычившимся, побагровевшим Деку бумагу на японском и не терпящим возражения, гавкающим голосом потребовал немедленного перехода всех французских сил, расквартированных в Индокитае, под высокое

командование микадо. Задыхающийся от шока адмирал оказался в состоянии лишь отрицательно помотать головой, после чего был под руки, тычками прикладов в спину, выведен из кабинета и препровожден в один из казематов желтого здания с наглухо закрытыми ставнями. Под неусыпный надзор безжалостного капитана Ичигавы.

Когда Деку оказался за решеткой, его вразнобой приветствовали голоса французов из соседних камер. Из их обрывочных реплик перед адмиралом постепенно вырисовывалась ужасающая картина. Сначала в Лангшоне весь офицерский состав был приглашен японцами на праздничный банкет, после которого все до единого французы, присутствовавшие на обеде, были коварно обезглавлены молниеносными ударами острых как бритвы самурайских мечей. Во всех других частях Индокитая французские казармы были одновременно атакованы формированиями армии Ямато, а их обитатели немедленно расстреляны и перерезаны. Лишь трем генералам удалось спастись вместе со своими воинскими частями благодаря паническому бегству в сопредельные области Китая и Лаоса. Но перед тем как бежать, они тщательно и методично расстреляли всех до единого пленных коммунистов. Особенно отличился Алессандри⁴⁰.

На следующий же день молодой император Бао Дай⁴¹ объявил из Хюэ об отмене договора о протекторате с Францией и распорядился начать формирование марионеточного правительства под покровительством Японии и новых структур местной исполнительной власти из числа активистов вьетнамских национал-социалистических организаций. Минода, сменивший Деку в кресле генерал-губернатора Кошиншины, назначил своего давнего боевого товарища Ииду комиссаром «Авангардной молодежи». Собрав на крупной манифестации в Шолоне членов этой организации, одетых в униформу и вооруженных заточенными бамбуковыми кольями, Иида зачитал им свое обращение на вьетнамском, в котором объявил о конце колониального рабства и о начале новой эры, во время которой каждый из присутствующих будет обязан служить делу процветания Великой Восточной Азии. «Каждый вьетнамец старше тринадцати лет, любящий свою родину, обязан вступить в ряды „Авангардной молодежи“, чтобы служить интересам своей страны!» – воскликнул он, и его речь потонула в аплодисментах. У этих людей уже сформировалась устойчивая привычка к овациям и громкому выражению согласия – они подчинились микадо так же, как до этого маршалу Петэну, в конце концов – какая разница? Отныне «Авангардная молодежь» была обязана помогать японцам в очистке территории после союзных бомбардировок, оказывать неотложную помощь пострадавшим, убирать трупы.

Рене и мне очень повезло в том, что тогда нам еще не было тринадцати.

17

Из тревожных перешептываний взрослых нам, детям, становилось ясно, что грядут большие перемены. Индокитай был заочно поделен лидерами союзных государств антифашистской коалиции на конференции в Потсдаме. По настоянию Сталина, капитуляцию японцев в Тонкине и Аннаме до шестнадцатой параллели должны были принять китайские националисты из армии Чан Кайши. В обмен советский генералиссимус согласился на то, чтобы аналогичные действия у нас в Кошиншине были предприняты войсками вице-короля Индии, графа Маунтбаттена Бирманского. Особенно беспокоился дядя Нам. Он почему-то думал, что англичане, придя из Бирмы, прикроют торговлю опиумом, несмотря на то, что при французах она приносила в национальный бюджет четверть всех доходов. Потихоньку он сплавил тетю Фын в лечебницу для душевнобольных. К тому времени от ее бывлой красоты уже не осталось и следа. Она вся как-то высохла, выцвела, пожелтела, ее скулы заострились, а выразительные некогда глаза, пленявшие дядю, помутнели, утратили всякое выражение и провалились в темные впадины

⁴⁰ Алессандри – французский бригадный генерал, участник Индокитайской войны.

⁴¹ Бао Дай – последний император Вьетнама.

глазниц. По утрам, до получения очередной дозы опиума, она поминутно ежилась, кутаясь в шерстяное одеяло, и то и дело потряхивала головой, словно бы подзывая нас к себе. На нее было жутко смотреть, и, откровенно говоря, я испытал облегчение, когда ее увезли в карете скорой помощи.

Дядя Нам продолжал покуривать трубку-другую в сутки, но употреблял теперь гораздо меньше, в строгом соответствии с предписаниями врача, заходившего к нам два раза в день и коловшего дяде в задницу витамины. Когда я заносил ему в спальню лекарства и оставлял их на столике у массивной резной кровати, заставленном термосами, чайничками и чашечками, он снова узнавал меня, иногда гладил по голове и обещал, что, мол, «когда это все закончится», я наконец встречу с моей мамой. «Бедный малыш», – вздыхал он, но, как мне казалось, слегка притворно. Освободившись от своих обязанностей по курильне опиума, я дни напролет бесцельно катался по центральным улицам на своем любимом велосипеде, вплоть до наступления темноты и комендантского часа.

Японцы готовились к обороне. Привычным стало зрелище полуголых пленных французов, сбитых летчиков ВВС США, загорелых до красноты, подобно вареным ракам, которые день и ночь неустанно рыли траншеи для японцев под их неусыпным присмотром. Им запрещали прерывать работу даже во время бомбардировок, что превращало их в живые мишени для союзников. Союзники в те дни бомбили ежедневно. Над городом повис густой, плотный смог от дыма пожаров. Наше бомбоубежище находилось довольно далеко от дома, в публичном доме в нескольких кварталах от нас. По иронии судьбы, у проституток было гораздо больше шансов на спасение и выживание. Так как сирены, возвещающие о налетах, взывали порой десятки раз в день, мы не всегда успевали туда. В этих случаях мы прятались дома под кроватями и столами, накинув на себя для надежности еще по несколько матрацев.

Когда мне удавалось улизнуть из дома, чтобы поколесить по городу, перед моими глазами раскрывались картины настоящего ада. Всюду валялись трупы. Их собирали коммунальные мусороуборочные машины, чтобы отвезти на общее кладбище – земли под могилы уже не хватало.

Однажды проезжая мимо Ботанического сада, я заметил, что он буквально переполнен японскими солдатами и офицерами. Мне почему-то показалось, что они опять решили устроить массовую казнь французов. Весь центр города тогда словно бы затих, и эту недобрую тишину прорезал лишь резкий, гавкающий голос какого-то высокопоставленного офицера. На удивление, парк не был оцеплен ошестинившимся штыками каре, и, оставив велосипед у оградки, я кустами прокрался поближе. Все фонарные столбы по периметру парка были оборудованы новенькими репродукторами, и надменный, отрывистый голос доносился именно из них. Говорящего не было видно нигде, но сад был переполнен стройными рядами офицеров, стоявших на коленях и покорно склонивших головы в белых повязках. В центре сбирища в кругу офицеров находилось пятеро вельмож, одетых в традиционные белые кимоно. Среди них я узнал капитана Ичигаву. Я решил, что они молятся какому-то японскому богу, а по радио к ним обращается какой-то хитрый дядя, решивший их разыграть и заставивший их поверить, что он и есть этот бог. Когда голос умолк, те пятеро в белом как ни в чем не бывало в наступившем гробовом молчании прокричали: «Да здравствует император!», после чего быстро выхватили свои мечи, воткнули их себе прямо в пузо и начали разрезать себя как бы напополам – я был уже на расстоянии вытянутой руки и видел это лично, клянусь! Особенно мне запомнились вылезающие из орбит глаза Ичигавы, находившегося ближе всех ко мне, потому что, еще продолжая резать самого себя как бы на две половины, он обернулся в мою сторону и сразу же привычно, наметанно и цепко перехватил мой испуганный взгляд из-под сени трепетавших листочков кустарника. Он открыл было рот, и я решил, что он сейчас же распорядится схватить и увезти меня в желтое здание на Катина, но из него лишь хлынула черная кровь, и в

этот момент другой дядя в форме рядового отрубил ему голову. Я помню, что сразу же пополз назад, подобно раку, но не помню, как добрался до своего велосипеда.

На следующий день новости начали поступать и из транзистора дяди Нама. Оказывается, японцы капитулировали, и голос, вещавший вчера по радио, принадлежал самому императору Хирохито. Они передали полномочия генерал-губернатора Индокитая делегату марионеточного правительства Бао Дая, но уже на следующий день его имперский желтый флаг с тремя красными линиями, похожими на червей, ползущих по песку, был сорван коммунистами из Вьетминя. Они появились из ниоткуда, вынырнули сначала из подпольных явочных квартир в городах, потом из глухих лесов, но как только они показались на балконе ханойского муниципального театра, чтобы вывесить над ним свой собственный красный флаг с золотой звездой, их приветствовала двадцатитысячная толпа манифестантов. Никто этого не ожидал – ни китайцы, ни японцы, ни союзники. Вооруженные отряды сил самообороны товарища Зиапа постепенно занимали все стратегические узлы Тонкина. В тот же день, словно в одночасье, красными флагами украсились окна и балконы всего города.

Солдаты Освободительной армии Бао Дая, вступившей в город лишь днем позже, не успевшие толком никого ни от кого освободить, чувствовали себя так, словно находятся на вражеской территории. Пока имперский делегат Фан Тоай направлялся на переговоры в штаб Вьетминя в представительском кабриолете, его не покидало чувство горечи и обиды. Вместо праздничных толп, юных девушек в нарядных аозаях и лавров освободителя его встречали внимательные, недружелюбные взгляды горожан из-за жалюзи на окнах, украшенных коммунистической символикой, либо абсолютно равнодушные, погасшие и пустые взоры японских солдат, устало куривших под навесами на полупустынных тротуарах или в скудной тени своих танков, порой все еще грохотавших тут и там, рутинно передвигаясь с места на место по улицам Ханоя. В небе угрюмо гудели моторы убиравшихся восвояси нападзим. Встреча с партизанами и выяснение отношений не принесли и доли облегчения, на которое законно рассчитывал Фан Тоай. Из их скупых реплик он понял, что красные уже практически завладели всем городом. Японцы сдали им не только все административные здания, но и оружейные склады, не пуская их пока только в Индокитайский банк.

Имперский посланник был не одинок в своих тяжелых чувствах. Генерал Фагуй при первом же донесении о действиях хошиминовской армии в Тонкине в сердцах разбил любимый фарфоровый чайник одним ударом своего тяжелого кулака. Потом он велел докладчику собрать осколки, забинтовал руку носовым платком и больше уже никак не проявлял своих эмоций.

С тех пор товарищ Зиап считал бескровную Августовскую революцию одной из своей лучших побед, ведь канон гласит, что «лучшее из лучшего – одержать победу не сражаясь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.